

Сергей Фомичёв

хроники покрова

КОНВОЙ

Сергей Фомичёв

Конвой

«Издательские решения»

Фомичёв С. Р.

Конвой / С. Р. Фомичёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4474-6876-7

Смесь фэнтези, социальной и авантюрной фантастики, альтернативной истории, с лёгкой добавкой постмодернизма, технофэнтези и пр. Приблизительно наше время. Приблизительно наш мир. Мир, по ряду объективных причин застывший в средневековье. Оказавшись без средств на чужбине, друзья решают поправить дела, заключив контракт на сопровождение груза. В дороге выясняется, что груз не совсем обычен, за ним идёт настоящая охота, а города, в который отправлен конвой, не существует на картах.

ISBN 978-5-4474-6876-7

© Фомичёв С. Р.
© Издательские решения

Содержание

Конвой	6
Глава первая. На Васильковском тракте	6
Глава вторая. Киев рассветный	10
Глава третья. Наёмники	15
Глава четвертая. Степь	23
Глава пятая. Зачумлённые земли	31
Глава шестая. Деревня мертвецов	35
Глава седьмая. Хмарная Сторона	41
Глава восьмая. Остановка в пути	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Конвой

Сергей Фомичёв

Светлой памяти Анны Дубовик

© Сергей Фомичёв, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конвой

Глава первая. На Васильковском тракте

Волошек сидел в корчме, что на Васильковском тракте, и допивал последнюю кружку пива. Не потому последнюю, что больше ему не хотелось, или было поздно, или он пожелал остановиться, прежде чем наклюкается в свинью. А оттого, что деньги, добытые в Бремене, кончились, а три медяка, отложенные на ночлег, унёс Жирмята – его единственный товарищ, бродивший целыми днями по Киеву в поисках хоть какой-то работы для двух добрых мечей. Работы не находилось, и впору было думать уже не о возвращении в родные края, а о том, как не протянуть с бескормицы ноги.

Корчма была забита до отказа. Забита в основном такими же бедолагами, как и они с Жирмятой. У кого на грош больше, у кого меньше, неважно – все они здесь кандидаты в разбойники и, как следствие, в висельники; или же в батраки, что для бывших воинов означает немногим лучший конец. И последним пристанищем перед окончательным падением стала для таких вот неудачников корчма на Васильковском тракте, где всё значительно дешевле, чем в городе, но всё же не бесплатно, да и кредита хозяин не признавал, а потому даже корчма была лишь отсрочкой.

Иные, желая протянуть подольше, ночевали в Голосеевском лесу (ибо в городе бездомных бродяг отлавливала стража), а питались на монету в день, забирая остатки со стола этой же корчмы. Но сегодня погода не располагала к экономии. Туман стоял такой, что жуляньские драконы носились над самыми крышами, сшибая с домов печные трубы. И час назад одна из летучих уродин снесла дымник в аккурат над корчмой, так что чад повалил внутрь, посетители бросились вон и продрогли до костей, ожидая, пока угар не развеется. Вернувшись, многие полезли за последними монетами, чтобы согреться. Так что кому как, а хозяину убыток прибылью обернулся.

***

Итак, Волошек растягивал пиво, стараясь не думать о том мгновении, когда кружка опустеет и ему придётся что-то решать. До полуночи хозяин, конечно, не выгонит. До полуночи они с Жирмятой ещё в постояльцах числятся. Но сидеть за столом просто так, не ублажая глотку выпивкой, значит сообщать окружающим: мол, вот ещё один покачнулся на шатких мостках судьбы. И хотя здесь кого ни возьми, под любым эти мостки ходуном ходят, Волошке было бы неприятно публично признать поражение, и он скорее всего вышел бы на улицу, дожидаться товарища в сырости тумана.

Отсрочка пришла в лице невесть как забредшего в корчму старого плешивого эльфа. Вот уж не думал Волошек, что эльфы бывают старыми и плешивыми! Навидался он их порядком, и все как один эльфы неизменно выглядели молодо, и безобразий, вроде плешивых голов или кривых зубов, за ними не подмечалось. Самое большое уродство – выбитый глаз или шрамы. Да и то сказать, какое же это уродство? Скорее украшение. Этот же выглядел сущей карикатурой на остроухих собратьев.

Чутьё у эльфов что надо. Вот и гость, быстро окинув взглядом корчму, каким-то макаром разглядел в молодом человеке породу и направился прямо к его столу. Не забыв, однако, прихватить у хозяина пару кружек. Знал старый эльф: здесь не принято заговаривать без угощения.

Не спрашивая позволения, гость уселся напротив и молча подвинул кружку Волошке. Подумал, пригубил из другой и только после этого произнёс:

– Весьма вероятно, вы сумеете мне помочь, – голос эльфа походил на хруст зёрен в кофемолке: шёпот и грохот одновременно.

Волошек принял пиво без возражений, а сердце ёкнуло: вдруг да повернулась к нему удача, и сейчас старик предложит достойную работу, которая вытащит их с Жирмятой из этой дыры.

– Вы ведь не здешний, – эльф не спрашивал, он утверждал. – Говор выдаёт вас.

Молодой человек мог поклясться чем угодно, что за последние два часа не произнёс ни слова, и уж тем более не выступал с речами, по которым кто-то мог бы определить его лёгкий акцент. Однако с потенциальным нанимателем он спорить не решился и кивнул, соглашаясь.

– Я ищу ходовую книгу, – перешёл Плешивый к делу. – Большинство здешних бродяг – люди малограмотные и давно утратили интерес ко всему, что не идёт на корысть чреву. Но вы не бродяга, вы путешественник. К тому же человек весьма образованный. Это бросается в глаза...

– Увы, – Волошек развёл руками. – Я не великий знаток книг. Старший мой брат, наверное, смог бы помочь вам в выборе, у него богатая библиотека, но от меня пользы не много.

Конечно, он догадался, что упомянутая книга лишь повод, чтобы вывести разговор на серьёзное дело. Но обычай требовал показать заинтересованность в словах собеседника. Глотнув пива, Волошек спросил:

– Но почему вы не пойдёте к букинистам и не пороетесь в их развалах? Я слышал, на Петровке можно найти всё что угодно.

– Этой книги нет у торговцев, – прохрустел эльф.

– Хм. Мне всегда казалось, что ходовые книги потому так и называются, поскольку их продают изрядным числом.

– Не в том смысле ходовая, – поморщился старик. – Книга содержит сведения о Ходe. Очень важные сведения. И она одна-единственная. Ни букинисты, ни антиквары не имеют её в своих каталогах редкостей. Тем более эту книгу не встретишь ни в библиотеке, ни в магазине...

Эльф помолчал.

– Ещё её называют Печатная книга. И вовсе не потому, что она отпечатана в типографии. Оказывается, Плешивый умел и шутить.

– Хотя бы, как она выглядит? – спросил Волошек.

– Не имею понятия, – пожал эльф плечами. – Дело в том, что никто не знает, как она выглядит. Возможно, она вовсе невидимая, возможно, отбрасывает только слабую тень. Или, скажем, появляется лишь при полной луне. Любая странность может указать на искомую книгу.

– Увы, – повторил Волошек. – Не припомню ничего такого... странного... Быть может, я и видел её, но не придавал значения, не узнал.

Эльф вздохнул.

– По сути важна не книга, а её содержимое... Но если бы вы её встретили, то, думаю, вспомнили бы...

Старик пробормотал что-то про заклинание, про печать, про конец света...

«Сумасшедший», – с сожалением подумал Волошек.

Работа слепила кукиш, и, хихикая, умчалась к более удачливым клиентам. Молодой человек остался. Что ж, за угощение всё одно следовало отплатить вниманием. Грусть усугубилась запахом жареных колбасок и пощёлкиванием жира на сковороде – хозяину, наконец, удалось наладить очаг.

– Если бы встретили, то вспомнили бы... – повторил эльф печально. Затем с надеждой спросил: – Быть может, до вас доносились слухи о монахе-призраке? Мне доводилось слышать, будто он появляется там, где хранится книга. – Плешивый перешёл на едва различимый шёпот: – Похоже, призрак как-то с ней связан, и я боюсь, как бы он не заступил мне дорогу.

Говорят, ночами он роется в древних библиотеках и ризницах, появляясь то тут, то там, безо всякой системы. И будто бы, если находит книгу, то листает её до рассвета... Всё ищет и ищет чего-то... Но всякий раз не находит.

Волошек покачал головой. Будь на его месте Жирмята, уж он бы не преминул намекнуть старику на колбаски, и за их поеданием сочинил бы сходу пару правдоподобных историй. Большим мастером по части выдумок и розыгрышей был его друг! Но Волошек врать не любил, предпочитая оставаться голодным и честным.

Они помолчали минут пять. Затем эльф как-то обречённо улыбнулся и произнёс:

– У меня к вам просьба. Если вы всё же встретите вдруг эту книгу или услышите о монахе-призраке, дайте мне знать.

Он протянул визитку. Странную весьма визитку. На белом прямоугольничке плотной бумаги не было начертано ни единой руны, никакого рисунка или вензеля. Волошек даже на просвет посмотрел, не проявится ли что.

– Не трудитесь, – улыбнулся гость. – Будет нужда меня увидеть, просто сожгите картонку. Как только она обернётся пеплом, я окажусь рядом.

Волошек убрал визитку и спросил:

– Какой вам прок от расспросов, если книга всё одно не лежит на месте? Раз её можно встретить то тут, то там.

– Мне важно всякое упоминание, любой след, – прохрустел эльф. – Я должен разыскать книгу, должен взглянуть на неё... И поверьте, это не просто любопытство. От успеха поисков зависят многие судьбы... И, не считите за пафос, возможно, судьба всего мира.

***

В корчме возникло оживление. Двое бродяг столкнулись с парой гномов, что зашли после работы, и потому их одежда была вымазана в глине. Бродяги выглядели не чище, но на гномов наехали, ни дать ни взять – бабуины, защищающие территорию, полную самок и вкусных личинок.

Понятное дело – нервы. Напряжение каждодневной борьбы за выживание нуждалось в разрядке, а кто лучше пришлого случайного гостя годится на роль козла отпущения?

Однако на сей раз бродяги просчитались. Гномы и сами оказались не в духе, а таких лучше не задирать. Да и бескормица сказала на боевых качествах людей. Драка вышла короткой и малозрелищной. Бродяги обнялись с полом, а их бородатые противники даже не расплескали пиво. Прочие же обитатели корчмы в разборку не полезли. Едва успев встать, вернулись за столы и принялись негромко обсуждать хитрую подсечку одного из гномов. А те, быстро опустошив кружки, сразу ушли.

За шумом Волошек не заметил, куда подевался собеседник. Старый эльф исчез, подобно книге, которую искал.

Зато появился Жирмята.

Он уселся напротив, взял кружку Плешивого и махом допил подонки. Волошек не сумел определить по лицу товарища, с хорошей новостью тот вернулся или, как обычно, с никакой. Именно из-за природной ушлости Жирмяты, из-за его умения блефовать и втирать очки, его, на самом деле темноволосого, и прозвали Рыжим; по той же причине он и занимался теперь поиском работы. Прямой и подчас косноязычный Волошек в этом деле в помощники ему не годился. Вот на мечях – другое дело, на мечях он завалил бы трёх таких жирмят за милую душу.

– Ну что? – без особой надежды спросил он.

– Есть работа! – улыбнулся товарищ.

– Для мечей или для горба? – уточнил Волошек. Батрачить ему не хотелось. Даже временно.

– Для мечей, – успокоил Рыжий. – Лучше и не придумаешь. Двухнедельный контракт на сопровождение груза. Халтурка. Срубим денег за по лёгкому.

– Груза? – В лёгкую рубку денег Волошек не верил.

– Угу. Пивной конвой. Товарищество «Каштан».

– Странно. У пивоварен обычно собственная охрана товар конвоирует. Зачем им нанимать людей со стороны?

– Не знаю. Какая разница? Я и так еле пробился. Народ, узнав о найме, сотнями в контору рванул, словно там дары святые раздавали. Пришлось подмазать кое-кого, чтобы в первые ряды попасть.

– Подмазать? – До Волошека обычно туго доходило, но сейчас он сообразил быстро. – Это значит, ты отдал наши последние деньги, отложенные на ночлег?

Брюхо, осознав тщетность ожидания, тревожно заурчало. Шкворчание из хозяйского угла стало невыносимым. Волошек почувствовал, как колбаски покрываются хрустящей корочкой, словно сам стоял у жаровни.

– Ну, отдал, – пожал плечами Жирмята. – И что с того? Зато с завтрашнего дня мы имеем работу. И после работы достаточно средств, чтобы вернуться в Нижний. А одну ночь как-нибудь перебьёмся в лесу.

Спорить с Рыжим Волошек не любил, да и не умел. Что толку объяснять товарищу, что в Голосеевском лесу поутру можно запросто и не проснуться? Что здешние дикие народы хоть и приняли на словах княжескую Правду, но остались себе на уме, и в их лесах царил совсем иной принцип юриспруденции? Без толку объяснять. Жирмята всё одно найдёт, что возразить тугодумному другу.

Глава вторая. Киев рассветный

К большому его удивлению, ночь прошла на редкость спокойно. Разбуженный далёким тоскливым воем, он лишь однажды схватился за меч, а Рыжий так и вовсе прохрапел, не вздрогнув, словно ночевал у себя дома.

Вой, что разбудил Волошека, доносился с прудов, разбитых дедом нынешнего князя. Ну, понятно, не сам он их копал – холопей нагнал. Однако руку приложил серьёзно. Оттого и нечисть на прудах завелась. Днём народ запросто там гуляет. Красиво, аллеи тенистые, воздух свежий, лебеди опять же с рук кормятся. Но только стемнеет, никакими красотами людей на пруды не заманишь.

Один парень в корчме поведал, как дело было. Когда пруды откопали, иссякли вдруг родники, должны их питать. Народ сразу о проклятье заговорил, про могилы древние вспомнил, про колдовство. Но князь тогдашний отступать не привычен был. Рассказывают, что пошёл он к древнему капищу, в честь девы Лыбедь устроенному. И там принёс жертву во пробуждение вод земных.

Говорят, будто явилась тогда князю сама дева Лыбедь и согласилась вернуть жизнь источникам. Но условие поставила. Что род княжеский не забывать должен капище её и жертвы положенные каждый год приносить.

Однако, как за князьями замечено, не больно они любят обещания выполнять. Забыл князь о договоре и детям своим того не заповедал. И проклят был род их. И завелась на прудах нечисть. И если человек какой запозднится, то его в счёт долга и утаскивают. А князьям и среди бела дня не резон на прудах появляться.

Так рассказывают. Может, оно и сказки, однако воем что-то на прудах, и люди, бывает, не возвращаются.

***

Проснулись ещё до восхода, в сырых от росы и тумана спальниках. Вместо завтрака попили родниковой воды. Волошек прислушался к брюху. Удивительное дело: ужин в желудке отсутствовал, но это не помешало ему производить вполне реальное урчание. Словно призраки несъеденных колбасок явились с миссией мести.

– Надеюсь, хоть на работе накормят, – буркнул Волошек, запихивая мокрый спальник в заплечный мешок.

– Обещали от пуза, – заверил неунывающий Жирмята.

В такое время горожане предпочитали спать, а крестьяне да заночевавшие в дороге торговцы до города ещё не добирались. На тракте им повстречались лишь гномы, что рыли неподалёку подземку. Опираясь на кирки и лопаты, строители проводили двух ранних путников хмурыми взглядами. Что-то у гномов не ладилось. Обещанный давным-давно Голосеевский Выход они так до сих пор и не пробили. То ли плывуны были тому виной, то ли недостаток средств, но который уж год открытие нового участка откладывалось.

А хоть бы и в срок построили – денег у друзей на подземку всё равно не осталось, и потому до Крещатика, сосредоточия буржуазной жизни, им предстояло тащиться пешком.

Сонный город заглотил путников, не проснувшись. Стражник, лениво взглянув на бирки, зевнул вместо приветствия. Благо местный князь слыл либералом. Бирки, которые они получили по прибытии в Киев, позволяли им проходить городские ворота без пошлины целых три месяца. Потом предстояло доплачивать или двигаться дальше. До выбора не дошло. Работа подвернулась раньше.

Три месяца – большой срок. В Москве, к примеру, больше трёх дней ошиваться не дозволяют. Мигом в поруб угодишь за бродяжничество, а то и под розги. И что любопытно, там они вроде как своими считаются, а здесь чужаками.

***

Жирмята терзал лоскуток кожи, что выдали ему в агентстве по найму, и вертел головой в поисках нужного адреса. Таблички с названием улиц встречались не часто, а номера на домах и вовсе отсутствовали. Спросить же дорогу было не у кого. Столица спала, работали только гномы. Они ковыряли брусчатку и правили рельсы на пятом маршруте конки. Гномы были даже более мрачные, чем те, что копали подземку. Мрачность источали и лужи, и сырые фасады домов, и железно-каменный лязг. Лишь пара лошадок, запряжённая в ремонтный вагончик, беззаботно болтала ушами и поедала казённый овёс. Но животные не могли помочь в поисках, а спрашивать у хмурых гномов друзья не решились.

Искомое здание они нашли на воспетом в авантюрных романах углу Крещатика и Проризной. Поджарый орк, дежуривший на входе, окинул их пронизательным взглядом, словно был мытным демоном, что ставят тысячки на границах да воротах. Орк был в новенькой замшевой куртке, обильно увешанной бахромой, и в чёрных льняных штанах. На руках его были перчатки с обрезанными пальцами, откуда торчали ухоженные когти. В общем, орк из культурных, привыкших жить среди людей.

Они назвались. Сверившись со списком, орк открыл дверь.

– Прошу, джентльмены, – доброжелательно пригласил он. – Садитесь где свободно.

Свободно в маленькой комнате оказалось только на трёх стульях, все прочие были заняты разномастной публикой. Её собралось не так уж и много: кроме полудюжины разбойничьего вида мужчин, Волошек заметил эльфа и молодую девушку. Наёмники, похоже, ещё не перешагнули, они почти не разговаривали, лишь оценивающе смотрели друг на друга. Правда, двое из них, без сомнения братья, держались вместе.

Зал, по всей видимости, предназначался для совещаний. Дюжина стульев, стол, монотонная драпировка на стенах, скромный светильник под потолком. Ни картин, ни шкафов, ни окон, ничего, что могло бы отвлечь слушателя.

– Всё, – сказал через несколько минут клыкастый привратник, впустив маленького толстенького человека в монашеском балахоне.

Тот откинул капюшон и оказался немолодым уже человеком, вдвое превосходящим годами любого из ожидающих в зале наёмников, за исключением разве что эльфа, возраст которого по внешнему виду определить было невозможно.

Запечатав дверь массивным засовом, орк подошёл к столу и обратился к собравшимся:

– Меня зовут Дастин. Этот конвой поведу я, – он выдержал паузу, убеждаясь, что произвёл впечатление, затем продолжил: – В курс дела вас введёт господин Тург, начальник охраны пивоваренного товарищества.

Орк картинно распахнул скрытую под цвет драпировки дверцу, и оттуда, как из волшебной шкатулки, появился лысый человек с кожаной папкой в руках. Аплодисментов не последовало. Окинув комнату быстрым взглядом, господин Тург положил папку на стол и произнёс:

– Итак, судари... и сударыня, вам предстоит дело нелёгкое и чрезвычайно секретное. Суть его, в двух словах, такова. Многолетние эксперименты, которые проводил наш отдел изысканий, наконец, увенчались успехом. Вчера наши лучшие мастера сварили партию нового пива «Каштан Дак Мэйджик»...

– Что? – вскочил вдруг толстенький. – Тёмная Магия? Почему не предупредили об этом заранее? Мне, истинному христианину, не пристало...

– Хм. Господин...

– Роман, – подсказал орк. – Чернец из Пешер.

– Хм. Святой брат, продемонстрировавший нам блестящее знание иноземных языков, ошибся, – Тург улыбнулся. – «Тёмное» в названии относится к пиву. А магия в технологии применялась самая обыкновенная, одобренная церковью и канцелярией князя. Но прошу все вопросы оставить на потом.

Он сухо кашлянул и заявил не без пафоса:

– Вам выпала честь сопровождать первую партию груза в Альмагард...

Лысина Турга едва не запотела от объединённого выдоха наёмников. Создалось впечатление, что для всех собравшихся в зале это название говорило о многом. Для всех, кроме Волошека. Он насторожился и взглянул на товарища, но тот пожал плечами, мол, не имею понятия.

Между тем, начальник охраны продолжил:

– Впрочем, если слово «честь» вас трогает мало, чуть позже мы поговорим о гонораре. Теперь главное. Технология нового сорта держится в строжайшей тайне. Здесь, в нашей киевской цитадели, это не составляет труда: свиток с рецептурой зашифрован каскадом в три кода, помещён в три ларца, что зачарованы тремя заклетами. Плюс обычная охрана, бронированные двери, элитные пискуны... В общем, всё как полагается. Однако при перевозке риск возрастает существенно. Хороший колдун или даже талантливый алхимик по украденному образцу сможет разгадать все наши секреты или, по крайней мере, значительно ускорить поиски формулы. Чего мы, само собой, допустить не можем. Поэтому! – Тург качнул указательным пальцем. – Про новый сорт никто не должен пронюхать. Как минимум до тех пор, пока первая партия не окажется в Альмагарде. В связи с чем мы предприняли особые меры безопасности: исключая тех, кто собрался в этой комнате, о конвое не знает ни одна живая душа.

– Ну да, и ещё несколько сотен бродяг, что хотели наняться, но не прошли по конкурсу, – вставил Рыжий.

Тург поморщился – то ли от неудобного вопроса, то ли недовольный тем, что его перебили. На сей раз он не стал уточнять имя наёмника.

– Из Киева ежегодно уходит две сотни пивных конвоев, – ответил начальник охраны. – Почти половина из них – наши. На бочках будет стоять обычное тавро «Каштана», никаких особых помет, ничего, что могло бы навести на лишние подозрения.

Тург погладил лысину.

– Но, как говорят, бережёного и бог бережёт. Помимо вашего личного, в конвое будет достаточно оружия и припасов к нему. Луки, арбалеты, ножи, топоры, сулицы, всё что угодно. Кроме того, вы возьмёте с собой голубей. Белых киевских и чёрных альмагардских. Но имейте в виду, я не смогу помочь вам слишком далеко от города. На подходе к конечному пункту вас прикроет альмагардская дружина. Весь остальной путь рассчитывайте только на себя.

Он взял со стола папку.

– Здесь контракты. Согласно им, каждый из вас по прибытии в пункт назначения получит по пятьдесят золотых монет. Это вдесятеро больше гонорара, что платят обычно в пивных конвоях. И вдвое больше того, что получают экспедиторы банков.

Наёмники одобрительно загудели, но Волошек подметил, что сам Тург назвал круглую цифру спокойно. Не мудрено: одна его папка из кожи императорского василиска стоила куда больше.

– Особо хочу заметить, что вознаграждение вы получите только в том случае, если груз будет доставлен целым и невредимым. Утрата хотя бы малой толики пива означает прекращение нашего с вами сотрудничества и, как следствие, полный отказ от выплаты. И желательно без опоздания: охлаждающий заговор не продержится больше двух недель, несмотря на нежаркую погоду. А теперь, пока вы подписываете контракты, я готов ответить на любые вопросы.

Содержимое папки разошлось по наёмникам, и большинство поставили подпись, не заглядывая в текст, или же только выхватив глазом вожаемую сумму. Но не таков был Жирмята. Он вычитал контракт до последнего знака, затем взял экземпляр Волошека и тщательно сравнил со своим. А тот, вполне доверяя другу, слушал ответы Турга.

– Господин Эмельт, – кивнул орк поднявшему палец эльфу.

– Груз повезём на самоходах? – спросил эльф. – И ещё. Покров – штука каверзная. У нас будут проводники? Помощники из местных?

– Нет, повезёте на лошадях. Пойдёте такими тропами, где никакой самоход не проедет. Что до помощников или проводников, то их не будет. Это позволит избежать ненужной утечки информации. Дастин не раз ходил в Альмагард и будет выбирать маршрут по ходу дела, соображаясь с обстановкой.

– Господин Андал, – орк указал на заросшего наёмника свирепого вида. Казалось, промозглая погода его совсем не трогала. Из всей одежды на нём были лишь кожаные штаны и безрукавка, надетая на голое тело.

– Чего нам ждать? – спросил тот грубым голосом. – Кто противник? Кого резать? Остроухих ублюдков? Косоглазых ублюдков? Бородатых ублюдков? Кто может иметь виды на конвой?

Турга слегка передёрнуло, но он ответил спокойно:

– Противника как такового не будет, а потому им может стать кто угодно. Я бы опасался в первую очередь обычных разбойничьих шаек. Места, которыми вы пойдёте, не из самых спокойных.

Волошек подметил ухмылки на лицах наёмников. Упомянутых Тургом обычных шаек они не опасались, но лысому начальнику охраны не верили ни на грош. Тот тоже почувал общий скепсис и решительно свернул дебаты.

– Ещё вопросы? Нет. Тогда всего доброго. Далее, и до самого Альмагарда, распоряжается Дастин.

Выпалив это, он исчез за потайной дверцей.

***

Волошек слыхом не слыхивал ни про какой Альмагард. Насколько он помнил, а память у него отменная, города с таким именем на картах не значилось. Ни в двух неделях пути от Киева, ни в четырёх.

Боясь проявить невежество, он не решился задать Тургу вопрос, и теперь, ступая за Дастином по плохо освещённому коридору, соображал, как бы, не привлекая внимания, выяснить про этот таинственный город толику подробностей.

Во дворе их ожидали шесть повозок, в которые уже запрягли по паре тяжеловозов. Пока рабочие занимались погрузкой, Дастин собрал наёмников в стороне.

– Мы рассчитывали денёк-другой положить на знакомство, притирку, обучение и ознакомление с ситуацией. Но вышло так, что нужно выступать срочно, а потому познакомьтесь по пути. Что до обучения, то абы кого Тург не нанимает. Однако те из вас, кто никогда не сопровождал жидкий груз, имейте в виду: эта беда имеет свойство раскачивать повозку и может даже опрокинуть её. Так что следите за качкой, сбивайте вовремя ритм.

Тёмно-зелёные фирменные фургоны по одному подавали к проёму в стене, устроенному как раз вровень с ними. По мосткам из чрева пивоварни рабочие выкатывали огромные стопятидесятивёдерные бочки. Другая бригада кидала поверх бочек полосы плотной ткани с вплетёнными металлическими нитями и стягивала концы болтами под днищем повозок.

Закрепив на пяти фургонах по бочке, рабочие дождались, пока корпоративный чародей не наложит охлаждающее заклятье, после чего, вместе с ним скрылись в проёме, опустив за собой жалюзи.

Наёмники остались одни. Повозку, что отводилась под снаряжение и припасы, им предстояло загрузить самим. Помогать головорезам, нанятым со стороны, рабочие посчитали ниже своего достоинства. Потомственные сотрудники товарищества в третьем и четвёртом поколениях, они знали себе цену.

Дастин указал на внушительную грудку снаряжения, сложенную возле глухой стены двора. Наёмники взялись за работу.

Чего здесь только не было: продукты, оружие, стрелы, массивная конструкция – нечто среднее между баллистой и арбалетом; бочонки с водой, корзины, мешки, клетка с голубями, овёс для лошадей, запасные колёса... Всего и не перечислить! Особенно трепетно орк отнёсся к связке небольших бидончиков, в каких алхимики хранят реагенты и препараты. Он лично закрепил их на повозке, обложив для верности мешками с крупой.

– Сюда же будем класть раненых, – ухмыльнулся Дастин, когда последний тючок с припасами улёгся на место и был крепко привязан.

– Раненых? – переспросил один из братьев.

– Кто желает быстро разбогатеть, может застраховать свою шкурку, – посоветовал орк. – Ибо дырки в ней я вам гарантирую.

– Тут места осталось разве что для пары тощих задниц, – буркнул Рыжий. – Прежде чем сюда поместится хотя бы один раненый, нам предстоит изрядно подъесть провиант.

Его оптимизма никто не разделил.

Завершая сборы, Дастин вытащил из кисета охапку амулетов и талисманов и, бормоча под нос заклинания, обвешался ими, словно жертвенный столб. На орке, соплеменники которого слыли безбожниками, это выглядело особенно нелепо и даже суеверным наёмникам показалось явным перебором. Их командир стал похож на мужицкого выскочку, в руки которого приплыло неожиданное богатство, но вместе с достатком отнюдь не появился изысканный вкус.

Поймав на себе скептические взгляды, орк пояснил:

– Никаких суеверий. Все цацки рабочие.

Повозки поставили друг за другом, привязав каждую лошадь к предыдущей телеге, так что можно было править лишь головной. По городским улицам наёмникам предстояло идти пешком.

Глава третья. Наёмники

Пока они слушали Турга и грузились, Крещатик ожил. Мостовую заполнили экипажи и подводы. Тротуары, несмотря на мерзкую погоду, превратились в бесконечный придорожный базар. Торговцы повылазили из всех щелей, подтянулись из предместий крестьяне; почти сразу же появились хозяйки и слуги. Поднялся великий гвалт, запахло пирожками, калёными орешками, сладостями, и, к особому огорчению Волошека, жареными колбасками. Брюхо вновь напомнило об упущенных возможностях. Его ворчание походило на последнее предупреждение.

Чтобы отвлечься от манящих запахов, друзья принялись разглядывать вывески. На счёт одной даже повеселились. «Мука всех сортов» – прочитали они над дубовой дверью. Поскольку ударения на вывеске проставлено не было, Рыжий тут же предположил, что это мазохистский притон, и принялся выдумывать, какие такие услуги предоставляют в скромном заведении клиентам.

К веселью присоединился высокий наёмник по имени Хельмут. Угостив друзей орешками из кулька, он добавил пару шуток по теме. От наёмника пахло давно немытым телом, а его лохмотьями побрезговал бы и нищий. Лишь изящная перевязь с мечом отличала Хельмута от бродяги.

Подвернулся удобный случай порасспросить о таинственном Альмагарде. Вопрос уже срывался с языка, но тут ветерок стих, запах сгустился и, опасаясь за сохранность обоняния, Волошек вовремя отыграл назад.

Брезгливость взяла верх над любопытством.

***

Таких поездов на выезде из Киева скопилась прорва. Везли товары из города и продукты в город, везли вино в Киев и пиво из Киева. Везли клетки с голубями для экспресс-почты, везли сено, дерево, строительный камень... Гномы везли уголь и нефть, орки баранину и конину, эльфы... Эльфы телегами свой товар не возили – камешки, золото, деньги вполне помещались в седельных сумках. Попадались и хоблинские закупщики. Сами хоблины в людские города не совались, слишком свежа ещё была память о страшной войне. Чернокожие их приказчики везли табак, кукурузу, томаты, картофель...

На воротах груз проходил строгий досмотр. Городская стража и мытники не справлялись с наплывом даже с помощью пресловутых демонов. По обе стороны от ворот растянулись огромные очереди.

Купцы и экспедиторы стаями гонялись за чиновниками, потрясая сопроводительными бумагами и убеждая в насущной необходимости срочной доставки товара. Чиновники зло огрызались. Злились они не столько на осаждающих и досаждающих просителей, сколько на тысяцкого, который с недавних пор загорелся борьбой с коррупцией. Не иначе со скуки.

Серьёзность его намерений подтверждала плаха с огромным блестящим топором, поставленная рядом с воротами. Палач лениво прохаживался под помостом, зыря в сторону таможенной будки. Чиновники нервничали и пропускали грузы в час по чайной ложке.

Волошек приготовился было ждать до вечера, однако Дастин сунул стражникам особую подорожную и конвой пропустили без досмотра в обход очереди, словно пассажирский дилижанс или курьерскую почту.

– А Тург не даром ест хлеб, – уважительно буркнул тот самый заросший наёмник по имени Андал, что спрашивал про врагов.

За воротами повозки расцепили. Дастин попарно распределил по ним наёмников. Другим выпала последняя, та, что с припасами. Весьма кстати из оных раздали по куску холодного мяса – перехватить до ближайшего привала.

– Пока пойдём по тракту, опасности особой нет, – объявил орк. – Можете хоть спать, меняя друг друга. Потом будет не до отдыха. Всё, тронулись!

***

Лето чудило, капризничало, впадало в истерику. Тучи налетели полчищем Чингисхана. С ожесточением сабельной рубки мельтешили повсюду молнии. Гроза продолжалась недолго. Избив градом путников, тучи умчались в набег на соседние земли, оставив над дорогой грязное небо.

Поначалу тракт представлял собой непрерывный поток телег, карет, самоходов и дилижансов. Всё это ползло крайне медленно, равняясь на скорость тощих крестьянских лошадок. Иногда движение и вовсе замирало. Над дорогой поднимался гвалт, ругань – тем более бесполезные, что причина затора терялась в бесконечной перспективе тракта.

Наконец-то утолив голод, Волошек теперь откровенно скучал, наблюдая за болтающимися хвостами двух тяжеловозов и монотонно-грязной мостовой под ними. Однообразную дорогу украшали расплюснутые серые блинчики – то ёжики выбрали неудачное время перебраться в соседний лес.

Перед нижегородцами, в паре с Хельмутом, ехала молодая девица. Что там между напарниками произошло, Волошек за бочкой не разглядел, но только девушка вдруг соскочила и пошла подле повозки.

На лошадиные хвосты и раздавленных ёжиков он больше не смотрел.

– Что, хороша? – подмигнул Жирмята.

Волошек отвёл взгляд.

– Чего ты? – пихнул тот локтём. – Пойди, познакомься.

Ответа не последовало.

– Ну, тогда я сам сбегаяю.

Бросив вожжи товарищу, Рыжий догнал девушку и пошёл рядом. Они прошагали вместе всего ничего, перебросились, может быть, парой слов, не больше. Жирмята вернулся.

– Не в настроении, – сообщил он, забирая вожжи обратно. – Да, а зовут её Ксюша.

И часа не проехали, как у друзей появился первый клиент. Монах, которого Дастин оставил при себе в головной повозке, дожидаясь хвоста на обочине. Смущаясь и ссылаясь на мятежное брюхо, монах попросил добавки.

– Начальник не возражает, – добавил он на всякий случай.

Волошек отрезал полоску мяса, разломил лепёшку и уступил гостю место. Вовсе не из вежливости уступил. Используя случай, он решил расспросить монаха об Альмагарде.

– Вы не здешние? – догадался Роман. – Тогда понятно. Город действительно непростой.

Тщательно пережёвывая пищу, он короткими фразами выложил то, что знал:

– Место это особое. Можно сказать, дыра в мироздании. Причём, дыра рукотворная, если только уместно говорить о руках, имея в виду исчадий ада. Имя той дыре – Донровское Ущелье. Альмагард – крепость, что запирает его. Долгие годы идёт там сражение с чернильниками. И, по некоторым пророчествам, продолжаться оно будет до скончания века. До самого Судного дня.

– Что за чернильники? – спросил Волошек. – Странное какое прозвище.

– Не знаю. Может быть потому, что любят они свои подвиги в хрониках расписывать. Впрочем, хроник тех никто и не видел, так что всё это не больше чем слухи.

Утолив голод, монах стал говорить обстоятельнее.

– Попасть в Альмагард без помощи колдовства невозможно. Когда появились чернильники, Донровское ущелье со всеми окрестными землями покрылось чарами. Кто их ставил, и ставил ли кто-то вообще, я не знаю. Может, то был промысел божий, или реакция самой природы, а быть может, и колдуны постарались.

Так или иначе, чары завязали дороги узлом. Куда не поедешь, всё не туда попадаешь. И вроде бы не меняется ничего вокруг, как на чёртовых дорогах бывает, и нечисть не сбивает с пути, а желаемого достичь невозможно. Разве что случайно прорвёшься, когда и думать забудешь о цели, когда уж и назад повернёшь.

Никакие указатели не помогают. Компас бессилен, и на солнце со звёздами смотреть бесполезно. Так что даже если Альмагард когда-нибудь падёт, чернильникам непросто будет выбраться из-под Покрова.

– А как же туда попадём мы? – обернулся Жирмята. Оказалось, он внимательно прислушивался к разговору.

– У Дастина есть путеводный амулет и особая карта. Но и с ними путь предстоит нелёгкий.

– Пока же мы движемся по обычному тракту, – заметил Рыжий.

– Так близко от Киева амулет не работает – в столице слишком много всякого колдовства. Но, думаю, ещё до вечера свернём под Покров.

Подобрав балахон, монах побежал догонять головную повозку. А друзья замолчали.

– Халтурка? – наконец произнёс Волошек. – Срубим деньжат по-лёгкому?

Рыжий не ответил, но, судя по роже, и виноватым себя не чувствовал.

***

Путеводный амулет прекратил саботаж часа через три. Дастин повернул поезд с оживлённого тракта на еле приметную лесную дорогу, а как только они скрылись от чужих глаз, объявил короткую остановку.

Порывшись в повозке с припасами, орк извлёк на свет один из тех странных бидончиков, с которыми суетился во время погрузки.

«Охра. Алхимический концерн Фарбы и Лаки АГ» – сообщала наклейка.

Назначив себе в помощники монаха и эльфа, орк принялся украшать разводами фургоны. Пятна цвета осенней листвы на пузатых зелёных бочках выглядели нелепо.

– Не на ярмарку едем, – объяснил Дастин. – Ни к чему нам приметными быть.

Подумав, орк густо замазал фирменные клейма и, похоже, жалел, что нельзя запрятать вместо лошадей каких-нибудь зебр.

Пока начальник наводил камуфляж, Хельмут вновь подошёл к девушке. На этот раз Волошек вполне расслышал отборную ругань, что обрушилась на наёмника в ответ.

– От же стерва! – ругнулся Хельмут.

– Бабам рожать положено, а не с мечом бегать, – поддержал его Андал. – Смотри-ка, привал, а хоть бы котлом занялась...

– Твоё «положено» себе в задницу засунь, – грубо ответила Ксюша. – Моё не лапай, не про тебя.

– Ах ты, зараза! – возмутился Андал, шагнув к девушке.

Волошек тут же встал рядом с ней, и Андал, плюнув им под ноги, отступил. Молодой человек ожидал от девушки хотя бы благодарного взгляда, улыбки на худой конец, но наткнулся на презрительный холод.

– Ты чего лезешь? – бросила ему Ксюша. – А то без тебя бы не сладила. Тоже мне... – она не договорила, а возле ног приземлился второй плевок.

Дело шло к тому, что просёлок заплуют точно почтовую станцию. Однако начальник не попустил.

– Шевелись! – раздался голос орка. – До вечера остановок не будет.

Волошек с полчаса переживал случившийся конфуз. Не привык он к такому обращению. Конечно, если девушка среди наёмников оказалась, то изысканных манер от неё ожидать не приходится. Но плевать-то зачем? Да ещё при народе. Волошеку казалось, что каждый в конвое обратил внимание на презрительный плевок, и теперь ухмыляется, смеётся над ним за спиной, не исключая и старого друга.

От полного самоуничтожения его спас Дастин. Копаясь в комплексах и обгладывая это, Волошек не заметил, как тот соскочил с фургона и, будто бы по нужде, углубился в лес. Поэтому, когда справа качнулись придорожные кусты, он вздрогнул и потянулся к арбалету.

Возникшая среди кустов рожа ухмыльнулась, подмигнула хитровато. Дастин в два прыжка догнал конвой и заскочил к ним с Жирмятой. Уступая место, Волошек пересел на мешок с овсом и теперь возвышался над всеми.

– Чёрт! – орк посмотрел через плечо. – От самых ворот за нами увязалась.

– Кто? – оглянулись друзья.

– Подвода с сеном, – пояснил командир. – По тракту шла и на лесную дорогу свернула.

– Ну и что, мало ли здесь деревень? – удивился Рыжий.

– Оно так, но кто станет из города в деревню сено возить?

Как выяснилось, один из амулетов Дастина был настроен на охотников за пивом. Всякого рода случайные шайки, равно как зверьё или нечисть, он игнорировал, но врагов, так сказать, целевых распознавал уверенно.

Так вот, амулет этот светился с самого их выхода на Крещатик. Не сильно горел, как при серьёзной угрозе, но теплился, точно желая предупредить о слежке.

– Может, фонит, – орк постучал когтем по янтарному глазку. Затем вытащил карту и, не снимая перчаток, принялся её изучать.

С высоты положения Волошеку карта была хорошо видна. Она действительно оказалась необычной. Лохмотья земель разделялись белыми пятнами дыр и промоин. Попадались крупные куски нормальной топографии, на которых располагались целые волости, и совсем крохотные клочки, вмещающие холмик или рожицу.

Стрелки различных цветов и жирности связывали фрагменты бесчисленным множеством вариантов. Надписи на стрелках выглядели сущей абракадаброй. Волошек распознал символы Солнца, Луны, Марса, некоторых созвездий, но большинство закорючек были ему незнакомы. Возле знаков стояли и циферки. Одни напоминали даты и время, другие температуру, третьи не походили вообще ни на что. Как говорится, хоблинская грамота.

Пометки, выполненные корявым почерком, напротив, не оставляли места для толкования. «Ловушка», «Проходить по южному склону», «Ночью не соваться»...

По кромке карты шли земли знакомые. Волошек даже угадал тот поворот, на котором они покинули тракт. На одиноком островке в центре силуэтиком замка обозначался Альмагард. Жирный крест посреди треугольничков гор указывал, видимо, на Донровское ущелье.

– Некуда здесь сено возить, хоть и из города, – Дастин свернул карту и сунул под куртку. – Ладно, присматривайте за подводой. Если что, дайте знать.

Прихватив яблоко, начальник убежал вперёд.

***

Пока Волошек правил лошадьми да присматривал за подозрительной подводой, Жирмята перезнакомился со всем отрядом и теперь вполголоса делился с другом первыми впечатлениями.

– Что-то нечисто с этим конвоем, – заявил он.

К мнительности товарища Волошек всегда относился серьёзно. Она, мнительность, не раз спасала их шкуры от преждевременной кройки. Но сейчас он не видел причин для волнения. Конвой как конвой.

– Да ты посмотри на них, – убеждал Жирмята. – Это же настоящий сброд. Зачем Тург нанял ханыг, если желал доставить груз в сохранности? Да они высосут всё его чудесное пиво при первой возможности.

– Мы с тобой что, тоже ханыги?

– Мы нет, – нисколько не смутился Жирмята. – Но мы не местные, что с точки зрения нанимателя тот же сброд. Да и не только мы. Вон здоровяк, его зовут Сейтсман, он из варягов. Отстал от корабля и не просыхал потом целый месяц, пока не подвернулась работа. А вон два пустоголовых братца из Чернигова, Борис и Глеб. Знаешь, чем они прославились?

– Ну?

– Служили телохранителями при Черниговском князе и по собственной тупости дали его убить на охоте. То есть не подумали, что любимый племянник умышлять против князя станет. Вот и не прикрыли вовремя от стрелы. Это ж надо – родственников не подозревать?

– А остальные?

– Андал, тот, что ворчит всё время, гопник с Борщаговки. Петля по нему скучает давно, да всё не найдут они друг друга. А тот, в чёрном плаще, что сидит рядом с Сейтсманом, он колдун. Назвался Априкорном, но, думаю, не настоящее это имя. Они, колдуны, скрытные до жути, а насчёт имён особенно.

– И что, ханыга?

– Не думаю, – качнул головой Жирмята. – Серьёзный парень. Но никто про него ничего не знает. Откуда он, давно ли в Киеве, и что делал раньше? Вот так взять колдуна с улицы? Не понимаю.

– Тург не показался мне дураком, – заметил Волошек.

– Тург не дурак, – согласился товарищ. – И это в особенности настораживает.

***

Ночевали возле небольшой берёзовой рощицы. Развели костёр, казан водрузили, сели вокруг. В ожидании ужина познакомились понемногу – не все как Жирмята успели это днём сделать.

– А ты, толстобрюхий, ты-то чего в дело полез? – взялся Андал за монаха. – Сидел бы в Лавре своей, в катакомбах, и в ус не дул. Чем плохо? Харч казённый, работы только что молитвы читать. Князь вам сколько мужичья отписал, считать устанешь...

– Грехи заедают, сынок, – смиренно ответил Роман. – Грехи. И в пещерах от них не укроешься, и не всякий грех постом или молитвой упорной искупить можно. – Монах вздохнул и повторил: – Не всякий.

– Ха! Тоже мне, грешник. Да тут любой, кого ни возьми, перегрешит тебя на раз. За один день годовой твой зачин выберет.

– Не скажи, сынок. Коли не знаешь, не говори. Грехами не хвастают. Не меряются.

Черниговские братья, отряжённые в кашевары, разложили по мискам дымящееся варево. Дожидаясь, пока каша немного остынет, наёмники ковырялись в ней ложками.

– В Альмагарде монахов не жалуют, – заметил вскользь Эмельт, до сих пор, казалось, совсем не интересующийся болтовнёй.

- А я и не жалиться туда направляюсь, – возразил Роман.
- Что-то в его фразе насторожило наёмников. Всех опередил Рыжий:
- А зачем? Зачем тебе в Альмагард?
- Пиво сопровождаю, – буркнул тот.
- Монаху никто не поверил. Разговор вновь умолк.

Хельмут достал матовый кристалл и приложил к уху.

- Вот, пожалуйста, – шепнул Жирмята товарищу. – Откуда у такого пропойцы Слухач?
- Мало ли, – пожал тот плечами.
- Да он давно спустил всё что можно, – шептал Рыжий. – Мне Сейтсман рассказывал, они вместе по трактирам шатались. Ни гроша у него за душой не осталось. Одни долги да отрепья.
- Ксюша повернулась к Хельмуту и спросила:
- Чего говорят?
- Тот по привычке хотел нахамить, но что-то заставило его ответить нормально:
- Уимблдон. Рыцарский турнир на кубок Большого Шлема. Сэр Ругги против сэра Парфинга на мечех. Финальное состязание.
- И кто кого? – поинтересовался Сейтсман.
- Пока поровну. Ругги заработал очко, проведя рубящий удар в бедро, а Парфинг ответил колющим в живот.

– Ругги возьмёт верх, – вдруг вырвалось у Волошека. – Парфинг сильнее на голову, но в финале всегда слишком волнуется, пропуская даже нехитрые выпады.

- Ты почём знаешь? – уставился на него Хельмут.

Волошек смутился и замолчал.

- А он с ними бился, с обоими, – встрял Жирмята. – Обоих и одолел.

- Да ну? – не поверил Хельмут.

Остальные тоже недоверчиво посмотрели на друзей.

- Точно, – неожиданно для всех подтвердил Дастин. – Парень выиграл предыдущий Уимблдон. Бился под именем сэра Деймоса.

Орк повернулся к Жирмяте и добавил:

- Именно поэтому Тург и взял вас в отряд, а вовсе не потому, что ты сунул три медяка его секретарю.

Наёмники заржали. Не смеялись лишь Сейтсман и сам Жирмята. А Ксюша впервые посмотрела на Волошека с интересом, отчего тот смутился ещё больше. Он даже нарочно припомнил презрительный плевок и грубость наёмницы, чтобы малость компенсировать нынешнее её внимание и не переключиться.

- Так у тебя и кубок серебряный есть? – с восхищением спросил один из братьев.

- Был, – вздохнул Волошек, потирая лоб. – В Бремене заложил, когда деньги кончились.

Чем кончилось у Ругги с Парфингом, они не узнали. Слухач – камень вольный, он блуждает сам по себе и на потребу владельца не работает. Бросив состязание за пять минут до финального гонга, дорогая вещица затрещала девственным эфиром.

Каша остыла достаточно, и народ принялся грохотать ложками.

Подозрительность Жирмяты заразила всё же Волошека. Ища, чем бы отвлечься от неловкости, вызванной оглаской его подвигов, он стал присматриваться к наёмникам. И прежде прочих к напарнику Ксюши. Повадками Хельмут никак не походил на ханыгу. Сколько Волошек ни наблюдал, только больше утверждался в обратном – парню не чуждо высшее общество. И ни нарочито грубая речь, ни лохмотья, ни вонь не могли ввести в заблуждение.

Дорогой и редкий Слухач – незначительная мелочь. Волошек гораздо вернее определял подобные вещи по тому, как человек ест. Простолудин жуёт всем лицом. Он отдаёт себя еде целиком и полностью. Он чавкает, он помогает руками, выковыривая пищу из лабиринта

нездоровых зубов и проталкивая в глотку. Простолюдин за едой молчит. Он думает о предстоящей работе, спешит, а грубая и пресная пища не доставляет ему удовольствия.

Человеку же, привыкшему к обществу, такие манеры не подходят. За столом на него смотрят, с ним разговаривают, изысканные деликатесы требуют особого подхода. Только на овладение навыками по вскрытию устриц или омаров тратятся месяцы. Мимика вельможного господина реагирует на слова собеседника, оценивает слухи и сплетни, и даже рот задействован пережёвыванием не полностью, ибо ему, рту, следует время от времени произносить многозначительные реплики, стараясь не угодить при этом крошками в тарелку прекрасной соседки.

Наконец, ему попросту некуда спешить. Ибо и следующий день не готовит ничего, кроме новых приёмов и застолий.

Так вот, Хельмут изрядно сиживал за такими столами. Привычки, манеры, этикет не прикроешь лохмотьями и не вытравишь запахом городского дна.

Конечно, бывает, что в наёмники попадают и люди бомонда. Взять хотя бы его самого. Однако Волошкеу незачем прикидываться серой мышкой или рядиться в нищего.

Он присмотрелся к другим. Хех! К простолюдинам можно было отнести, пожалуй, лишь черниговских братьев, да и то с большой натяжкой. Они, жуя пищу усердно, казались от этого несколько простоватыми, но отнюдь не мужичьём.

Скользя взором по лицам наёмников, он вдруг наткнулся на встречный взгляд Дастина. Тот, словно нарочно его поджидал, а когда взгляды встретились, еле заметно качнул головой, мол, отойдём.

Волошек лениво поднялся и, размышляя о возможных причинах, побрёл к командирской повозке. Там уже поджидал Эмельт.

– По лесу без шума ходить умеешь? – спросил подошедший следом Дастин.

– Угу.

– Пойдём, подводу с сеном проведаем. Может, и они разговоры у костра ведут. Вот и послушаем.

Втроём они углубились в лес. Особых усилий хранить тишину в такую сырость от них не потребовалось. Скорее боялись чавкнуть сапогом, нежели хрустнуть веткой. Сделав изрядный крюк, вернулись на дорогу, полуверстой позади конвоя.

Маленький костерок, разведённый в ямке, изредка выбрасывал искру-другую, позволяя разведчикам разглядеть возможных преследователей.

Оба человека уже спали, закутавшись с головой в одеяла. Распряжённые лошадки сонно добирали овёс из привязанных к мордам мешков. С вылазкой наёмники опоздали на каких-то полчаса, если, конечно, Дастин собирался только послушать разговоры.

Как оказалось, орк нашёл чем заняться. Оставив Волошека наблюдать за людьми, он скользнул к подводе и по самое плечо засунул руку в сено. Шарил там долго, но ничего не нашёл. Тем временем Эмельт подкрался к лошадям и сыпанул в овёс какой-то травы. Лошади на эльфа не отреагировали. Собратья Эмельта умели ладить с животными.

– Уходим, – прошептал Дастин.

До самого возвращения никто из них не произнёс больше ни слова. Волошека сжигало любопытство, что за снадобье подсыпал Эмельт лошадям, и что надеялся найти Дастин, но он благоразумно промолчал. Чем чреваты лишние вопросы, выяснилось скоро.

– Ты где был? – встретил товарища скучающий Жирмята.

– Так, отлучился по нужде.

– На полтора часа? – прищурился Рыжий. Он почуял запах тайны и готов был вонзить в неё зубы.

Тут подошёл Дастин и с улыбкой, похожей на оскал, ткнул в Жирмяту когтем.

– Ты и Андал. Сегодня чистите котлы.

– Э-э... – к такому вероломству Рыжий оказался не готов.

– Потом ты сможешь рассказать напарнику, где пропадал полтора часа. Если он не заснёт до твоего возвращения.

Глава четвертая. Степь

Утро отметились проливным дождём. Около часа деревья жались к дороге, а потом раступились, словно чернь перед выездом знати. Длинный язык степи глубоко вдавался в полесье и дальше, судя по карте, вёрст двадцать дорога шла по открытому пространству.

На самой кромке степи стоял колодец. Влаги вокруг было много, но что с неё толку – не собирать же по капле с травы и листьев? Питьевой водой следовало запастись. Наёмники поочерёдно таскали вёдра, поили лошадей, наполняли бочонки.

С Глебом, одним из черниговских братьев, случился конфуз. Он быстро намотал цепь на ворот и уже потянулся, чтобы перехватить ведро, как вдруг из колодца завывло. Глеб отскочил, разлив воду, и, не обращая внимания на подначки, к колодцу больше не приближался. Борису пришлось успокаивать брата, он что-то шептал ему на ухо, но тот, похоже, испугался всерьёз.

Тогда Борис подобрал ведро и побрёл к колодцу сам. Никто не удивился, когда из бездны укнуло и на него. Теперь успокаивать брата выпало Глебу.

– Два сапога – пара, – бросил Сейтсман насмешливо.

– Скорее уж, два сапога на одну ногу, – поправил Жирмята.

Братья не были близнецами, но так старались походить один на другого, что наёмники, бывало, путали их в спешке. Одинаковость и стремление подражать доходили порой до абсурда. Копировалась манера одеваться, разговаривать, жесты, мимика... ну, и глупости тоже. И если один из братьев наступал на грабли, можно было держать пари, что второй скоро последует по его стопам.

***

Стоило покинуть лес, как тут же налетел сильный ветер и все, кроме Андала, полезли за плащами. А тому хоть бы хны, знай себе лошадей погоняет, и даже куцую свою одежку не запахнул.

– Он, верно, и зимой в безрукавке ходит, – заметил, ёжась, Жирмята.

На безлесой равнине дорога просматривалась далеко. Подозрительная повозка так и не появилась, и Волошек побежал к командиру с докладом.

Монах правил лошадьми, а орк сидел рядом, укрытый клетчатым пледом. В одной руке он держал крышку из-под термоса и похлёбывал из неё кофе, в другой, словно маршальский жезл, сжимал надкусанный рогалик.

– Нет повозки, – сообщил Волошек. – Всё чисто.

– Отлично! – Дастин сделал глоток и зажмурился от удовольствия. – Теперь им не до нас. У бедных лошадок вздулись животы и они могут сгодиться разве что в качестве буйков на воде.

– А смысл? – осмелился Волошек на вопрос.

– Нам нужно проскочить степь, – пояснил Дастин, отправляя в рот последний кусок. – Пространство открытое. Самое удобное место, чтобы подать сигнал дымом или бумажным змеем. Зачем нам лишние неприятности? Если это была слежка, то мы её сбросили.

– А если они обычные крестьяне?

– Тогда к вечеру от хвори у лошадей и следа не останется. Эмельт не стал бы попусту вредить животным.

Благодушие длилось недолго. Взглянув на сторожевой амулет, командир нахмурился – тот вовсе и не думал угасать. Клетчатый плед отправился в мешок, а орк, полуобернувшись, опёрся на бочку и гаркнул:

– Пока степь не пройдем, глядеть в оба!

Не прошли. Ровно посреди языка амулет полыхнул янтарём. Дастин взобрался на бочку и скоро увидел орду, что двигалась наперерез конвою. Заметил поздновато – с сырой земли пыль не поднималась – однако раньше, чем орда углядела добычу.

Конвой встал. Наёмники вытащили клинки, Волошек с Жирмятой разнесли по повозкам арбалеты и луки с запасом стрел. Особого воодушевления не наблюдалось. Биться с ордой в степи всё равно, что промышлять пиранией, ныряя с удочкой в Амазонку. Шансов почти никаких.

– Без лошадей идут, и то хорошо, – произнёс Дастин, слезая с бочки.

– Твои дружки, косоглазые, – желчно заметил Андал, но орк даже ухом не повёл.

– Восточку Тургу отправлю, – сказал он.

Сверившись с картой, быстро написал на лоскуте шёлка несколько фраз и цапнул из клетки голубя. Тот забился в когтистых лапах, предчувствуя смерть от орчьих клыков, но чутьё на сей раз обмануло птицу. Прикрепив послание, орк подбросил её повыше и пронзительно свистнул. Обалдевший от счастья голубь дёрнулся, кувыркнулся через себя, затем махнул крыльями и, быстро сориентировавшись, направился к Киеву.

– Ему, счастливчику, полчаса лёта до дома, – вздохнула Ксюша.

– Нам-то корысть какая? – проворчал Андал. – Пока соберут подкрепление, пока доберутся сюда, косоглазые нас уже по колям рассадят, словно горшки на просушку.

Его пессимизм разделяли многие, но пустую болтовню никто не поддержал.

– Эх, пробиться бы нам вон к тому холмику, – сокрушался орк, почёсывая когтями щетину на скуле. – Там закрепиться можно.

– Не успеем, – сказала Ксюша.

– Не успеем, – согласился командир.

– Я могу отвлечь их на время, – предложил Априкорн. – Думаю, хватит, чтобы добраться до холма.

– Чародейство? – с сомнением произнёс Дастин. – А, всё равно. Давай!

Априкорн достал из сумки чёрную, как уголь вещицу, размером с кулак. Волошек даже шею вытянул, стараясь разглядеть штуковину. Разглядел – и впрямь кулак, вернее, его изображение, только средний палец у кулака оттопырен.

– Что это? – удивился Дастин.

– Артефак, – сказал колдун, словно это всё объясняло.

Он долго ходил позади поезда, выбирая подходящее место. Наконец нашёл скрытую травой ямку и пристроил в ней свою вещицу. Отошёл на пару шагов, вздохнул и сказал:

– Как махну рукой, но не раньше, гоните лошадей, будто за вами орки гонятся.

– А то будто не гонятся, – буркнул Дастин.

Все разобрались по повозкам. Априкорн склонился над фигуркой и начал шептать заклинание. Между тем орки подошли совсем близко. Их лава стала забирать в сторону остановившегося конвоя.

– Давай! – махнул колдун.

Лошади получили кнутом, а наёмники, толкнув повозки, попрыгали в них. Априкорн что-то ещё сыпанул на землю и припустил вслед набирающему скорость конвою. Запрыгнув к Волошеку с Рыжим, он посмотрел назад и довольно крикнул. Напарники машинально оглянулись – на месте, где только что стоял поезд, остались дрожащие маревом его контуры. Волошек даже различил фигурки наёмников, которые словно продолжали жить своей жизнью.

– Навёл морок? – догадался Жирмята.

– Угу. Нас они пока что не видят. То есть видят, но только на прежнем месте.

Если бы не отвлекающее заклятие Априкорна, орки легко перехватили бы поезд на подходе к холму, а так орда завернула слишком круто, и правое крыло вышло на дорогу уже после того, как по ней промчался невидимый врагу конвой. Отсутствие пыли на сей раз пошло на пользу беглецам. Никто из степняков даже не заподозрил обмана.

Холм был невысок, однако склоны достаточно круты для обороны. Лошадки с трудом втащили повозки наверх. Сутолока на небольшом пяточке поднялась невообразимая. Дастин кричал, ставя фургоны в круг. Животные мешали людям, толкали друг друга. Их выпрягли, согнали в центр и принялись двигать стопудовые повозки вручную. Наконец, кое-как круг сложился. Среди снаряжения нашлись и особые цепи, и замки к ним, как раз на подобный случай.

Сцепили. Перевели дух.

Тут Дастин заметил, что клиренс у повозок слишком велик, и под ними запросто сможет проскочить целый полк. Он приказал снять с бортов доски, которые предназначались, чтобы подкладывать их под колёса в грязи и болотах, и закрыть просвет.

Сделали и это.

Из шести повозок крепость получилась небольшой – значительную часть внутреннего пространства заняли лошади. Но всё же появилась какая-то защита. Куда лучше сражаться из-за прикрытия, чем встречать врага в походном строю.

– Если им нужно пиво, в бочки тыкать не станут, – рассудил Дастин. – За ними и укроемся.

– А если не пиво? – спросил Волошек.

– А что им ещё может быть нужно? – удивился орк.

– Ксюха! – предположил Андал, и они с Хельмутом загоготали.

Но остальным было не до веселья. Наёмники готовились к неравному бою – снаряжали арбалеты, раскладывали оружие...

Монах уселся на землю и забубнил молитву. Про искупление и прощение, с просьбой не оставить, не погубить...

– Что толку в твоих молитвах? – заметил Андал. – Чудес не бывает. Бывает только обман. Ваши трюки едва годятся, чтобы медяки у прихожан выуживать. Но может ли твой бог сделать мечи острее, а стрелы точнее? Может ли он тотчас испепелить врага или нагнать на него страху? Не думаю.

Роман встал, молча подобрал подкову и двумя пальцами, большим и указательным, сжал её, превратив в греческую букву «Альфа».

– Хм, – Андал почесал за ухом.

Монах улыбнулся:

– А ты полагал, что Господь прислал Мессию только для того, чтобы разрешить пастве кушать свинину?

По-видимому, нечто подобное Андал до сих пор и полагал. Он тихо ругнулся и отошёл.

– Пять или шесть сотен, – сказал Дастин навскидку, приглядывая за копошащейся среди морока ордой.

Рыжему же показалось, что врагов никак не меньше тысячи. Впрочем, при таком раскладе разницы особой не было.

– Как долго продлится твоё чародейство? – спросил командир Априкорна.

– Недолго, пока один из них случайно не коснётся рукой вещицы.

– А потом?

– Полагаю, они сильно разозлятся.

Так и вышло. Орки долго прочёсывали пустое место, натываясь на призраков и проходя сквозь них. Они подозревали, что добыча скорее всего затаилась неподалёку, и просто взре-

вели, когда один из них поднял над головой чёрную фигурку. Разглядев настоящий конвой уже на холме и сообразив, каким образом их провели, они с удвоенной яростью бросились в атаку.

– Сможешь сделать этот бугор скользким? – спросил Дастин у колдуна.

Тот покачал головой: дескать, не всеилён.

– Жаль, тогда к бою. И да поможет нам Тург!

На расстоянии полёта стрелы от холма орда приостановила бег, вбирая в себя отставших. Затем, разделившись на три потока, ударила по конвою.

Крутой склон задержал орков не надолго. Сколько уже вёрст оставили они за спиной, но вверх полезли резво, словно только что отоспались.

– Сейчас поглядим, на что годен сброд, нанятый Тургом, – прошептал Жирмята.

Сам он владел мечом едва ли не хуже всех в отряде и потому держал на весу пятиярядный арбалет системы Мо Сина. Такой в конвое был только один – слишком тяжела установка, чтобы таскать с собой целую батарею. Рыжий при раздаче придержал чудо-арбалет для себя и теперь с трудом ловил в качающийся прицел наступающие фигурки.

Дастин отправил монаха в резерв, к лошадям, а сам, косясь на противника, искал в обороне прорехи. Откровенных дыр пока не выявилось, хотя слабые места имелись.

Отбиваться на фургонах с бочками казалось сподручнее. Узенький тамбур и небольшой просвет между возами позволяли одному сдерживать натиск многих, а взобраться на крутые бока не смогли бы и горные обезьяны. Правда, орки, при известной сноровке, могли взломать щиты и нырнуть под фурунги, но на этот случай вторые номера приготовились рубить головы, встав позади импровизированной стены.

На повозке с припасами всё было по-другому. Скреплённые верёвками тюки хоть и возвышались солидной баррикадой, неприступными отнюдь не казались. Кроме того, если по бочкам степняки стрелять опасались, то с ненужным грузом не церемонились, и ещё до того как орда поднялась на склоны, в повозку начали втыкаться стрелы. Благо, что из орков стрелки никакие, и лучников в орде служило немного.

Вражья волна накатила на холм, охватывая его с трёх сторон. Левое крыло, под предводительством лохматого рослого бригадира, полезло по склону, намереваясь ударить в стык между головной и последней повозками.

Разрядив арбалет и уложив первого орка, Волошек взялся за более привычный меч. Жирмята предпочёл стрелять до последней возможности. Лишь когда напарник срубил несколько голов, он присоединился к нему. Впрочем, Волошек вполне мог удержать рубеж и без Рыжего. Орки напарывались на его меч, словно медведь на рогатину. Казалось, мечей была добрая дюжина: так быстро он менял позицию и наносил удары. Степняки скатывались под ноги соплеменникам, мешая атаковать, те спотыкались, раскрывались, и в свою очередь попадали на быстрый клинок.

Тут орки заметили среди наёмников сородича. Негодованию их не было предела. Они взревели, как стадо слонов, и как стадо слонов потопали на врага. Бригадир выкрикнул на своём языке короткую фразу, видимо, вызывая Дастина на поединок. Но тот ответил ругательством и не двинулся с места.

Жирмята выковырял из груды бочонок с оливковым маслом. Выбив крышку, обильно полил траву.

– Обойдётся без жаркого, – заявил он.

Первый же набежавший орк поскользнулся и треснулся головой об угол повозки. Вторым плюхнулся на траву, но удержался, воткнув в землю кинжал. Волошек уцепился за верёвку, свесился вниз и легко прикончил обоих.

Шедшие следом орки замялись. Не будучи фанатиками, как некоторые из их племени, они не желали понапрасну лезть на клинки. Десятники перекрикивались, пытаясь найти слабину в обороне, бригадир изошёл проклятиями, заставляя воинов шевелить задницами. Но атака выдохлась.

Используя паузу, Волошек глянул, как идут дела у соседей. Ксюша рубилась весьма профессионально, скупно, но метко раздавая удары и сохраняя при этом силы. Хельмут же был не столь практичен, зато работал с клинком изящно. Если не обращать внимания на детали – залюбуешься. Его стойки и выпады были полны символики. Они выражали презрение или уважение, насмешку или сожаление. Хельмут словно играл популярного среди богемы датского принца, озабоченный не столько эффективностью, сколько эффектом. Он работал на публику, несмотря на то, что единственным зрителем сейчас был противник.

«Так, может, Хельмут актёр? – подумал Волошек. – Отбил от бродячей труппы, ушёл в наёмники. Это многое бы объяснило. А кто ещё кроме актёров в совершенстве владеет мастерством перевоплощения?»

Возможный ответ ему не понравился.

За спиной послышались крики: Абрикорн угостил врагов волшбой. Справа от колдуна Эмельт с бочки расстреливал орков из лука. Судя по всему, и прочие рубежи пока благополучно удерживались.

Лохматый бригадир, наконец, оставил идею взять поезд нахрапом и выкрикнул несколько команд. К нему поспешили командиры помельче.

Жирмята подобрал арбалет Мо Сина и потянулся за стрелами.

– Пожалуй, сниму атамана. Раскричался уж больно.

Десятники, выслушав бригадира, разбежались по позициям и скоро повели отряды на новый приступ. Их тактика изменилась. Не приближаясь вплотную к гуляй-городу, орки принялись бросать кошки и крючья, рассчитывая, похоже, завалить повозку с припасами, а затем использовать брешь для прорыва. Валить фурунны с бочками они не решились. Значит, и правда их интересовал груз.

Полтора десятка крючьев хищными когтями вцепились в нагромождение вещей. Волошек окликнул товарища, сказал, чтобы тот бросал возню с арбалетом. Рыжий отмахнулся и продолжил занятие. На помощь устремились Дастин и Хельмут. Кошки без металлических поводков быстро перерубили, те же, что крепились на цепи, приходилось выдирать с мясом. То есть буквально с мясом – пара превосходных окороков стала неприятельским трофеем.

Бригадир ухмыльнулся и отправил отборный десяток косматых воинов на опустевший командирский фурун. Трое полезли верхом, остальные, быстро взломав щиты, проскочили под днищем.

Заметив перемену, Дастин метнулся обратно, но опоздал. Степняки набросились на него со всех сторон, окружили, прижав к бочке. Наёмники были увлечены защитой припасов, а одинокий, совсем не грозный на вид, монах, что слонялся в тылу, представлялся врагу несерьёзной помехой. Так оно и вышло бы, возмись Роман орудовать саблём. Но он отбросил оружие и, перехватив поперёк оглоблю, с рёвом кинулся в самоубийственную контратаку. Орки развернулись и выставили сабли навстречу. Прежде чем несколько клинков вошли в его тело, монаху удалось сбить с ног большинство прорвавшихся орков, а главное, поднятым шумом привлечь внимание товарищей.

Первым со своей бочки подсобил Эмельт. Он крутанулся и, почти не целясь, послал стрелу в ближайшего из противников. Тот рухнул возле Романа. Следом повалился второй, потеряв голову от удара Дастина. Восемь орков с рыком бросились на отступника.

Жирмята, только-только перезарядивший арбалет, плюнул на престижную цель и присоединился к потехе. Развернув установку в тыл, он выпустил все заряды почти залпом. Двое орков упали замертво, а третий некоторое время покорчился со стрелой в пузе.

– Славный пирсинг! – одобрительно крикнул эльф и прикончил ещё одного степняка. Остальных порубил Дастин сообща с подоспевшими Андалом и Хельмутом.

Со склона побоище не увидели. Спешащий в прорыв второй десяток откатился назад, встретив неожиданный отпор.

Убедившись в срыве атаки, Дастин прыгнул к монаху. Тот едва дышал, плюясь кровью, и пытался что-то сказать. Командир повернул его голову в сторону, давая стечь крови, но это не помогло. Булькнув ещё пару раз, Роман затих. Дастин громко выругался на языке, понятном только врагу.

Никто не следил за временем.

Казалось, что бой продолжался долго, не меньше часа, а то и двух. Однако, на самом деле прошло всего минут пятнадцать-двадцать. Волошек не успел даже толком вспотеть.

Потеряв полсотни воинов, орки отошли на перегруппировку. Бригадиры собрались в сторонке и обсуждали положение, крича друг на друга и размахивая ручищами. Они полагали, будто могут совещаться сколько угодно – конвою всё равно не уйти.

Они ошибались.

Из облаков вдруг вынырнула пара драконов. Сначала они казались лишь серебристыми крапинками на тёмном небе, но быстро прибывали в размерах. Можно было различить крылья, змеинный хвост, а затем и голову с косыми рожками над ушными щелями. Правил ли кто драконами, или они шли беспилотными, снизу было не разобрать.

Заложив над конвоем вираж, крылатые твари устремились вниз.

Два потока гудящего пламени накрыли орду, прошлись огненными смерчами из конца в конец, аккуратно огибая вершину холма. Завитки дыма срывались с земли, словно стружка от гигантского рубанка.

Затем драконы резко взмыли и исчезли среди туч. Им хватило единственного захода.

Какой мальчишка с малых лет не мечтал стать погонщиком драконов! Эти мускулистые парни, покрытые шрамами и ожогами, заставляли трепетать детские сердца. Даже первые витязи княжеских дружин уступали им и силой, и ловкостью, и отвагой. Ведь чтобы удержать дракона в узде, чтобы выдержать выписываемые им небесные кренделя, обычных человеческих сил недостаточно. А пенсия погонщика стала синонимом дождей в четверг. «Когда погонщик драконов выйдет на пенсию», – говорили парням красавицы, намекая на тщетность ухаживаний.

Впрочем, Волошек если и мечтал об этой профессии, то тайно и не всерьёз. В их семье такая карьера не приветствовалась, считалась излишне вульгарной, или чем-то в этом роде.

Но драконами он бредил. Сколько часов корпел над моделями, вдыхая пары особого клея, тщательно подбирая детали: кусочки кожи, слюды, кварцевую крошку, блестящие чешуйки и жёлтые бусинки глаз... Сотни мельчайших элементов. Затем аккуратно раскрашивал модель, и запах клея сменяли ароматы красок. Тоже особых.

Хорошие наборы продавались у двух-трёх торговцев во всём городе. Но купцы, удерживая высокие цены, никогда не доставляли больших партий, и, чтобы получить желаемое, нужно было наведываться в их лавочки каждое утро.

Коллекция Волошека считалась среди сверстников самой богатой, и он разбирался в драконах не хуже самих погонщиков. В теории, разумеется.

Вся его комната была увешана и уставлена драконами. Одни изображались в полёте, с поджатыми лапами, другие отрывающимися от земли или пасущимися на поле. А самые красивые с взведённой точно у кобры шеей и распахнутой пастью – атакующими. В его коллекции были и маленькие пражские, и пузатые тулузские, и быстролётные драконы из предместий

Парижа и Лондона; бело-голубые шереметьевские, ярко-оранжевые полярные, жёлто-чёрные из Франкфурта...

Эти – зелёные, с тёмными полосами и красным отливом прозрачных крыльев, ну точно окушки, каких он ловил на Оке – были ему незнакомы.

– Бориспольские, – определил Дастин. – Не знал, что босс с ними дружбу водит.

Драконы отработали столь филигранно, что, не задев никого из конвоя, выжгли вокруг всё на пятьсот шагов, и вершина холма торчала теперь на чёрной степи зелёным огуречным пупырышком. Мало кто из орков смог уйти живым, большинство остались лежать обгорелыми трупами. Тех же, кто догадался и успел добежать до повозок, вскочить или нырнуть под них, наёмники уничтожили быстро.

Орды не стало.

– Вот гадины летучие! – выругался подошедший Андал, зажимая тряпицей рану на руке. – Я чуть в штаны не сходил, когда они пламенем дыхнули. А в нос ударило так, что сразу перегар моего папаши вспомнился. Родитель мой то ещё пойло потреблял.

Волошек кинул ему аптечку и посмотрел на склон. Драконею пламени сырая трава не помеха, однако, степного пожара, вроде бы, удалось избежать. Над мёртвыми врагами и мёртвой землёй курились дымки, но открытого огня не было видно нигде.

– Боюсь, в этом мясном ряду мы наши окорока не отыщем, – заметил Рыжий. – А закусить по ошибке орком что-то не улыбается.

Он устало прислонился к повозке. Из распоротого мешка сыпалось тонкой струйкой пшено, намекая на избитые аллюзии о неумолимом течении времени и тленности всего сущего.

– Заткни чем-нибудь, – распорядился возникший откуда ни возьмись Дастин и, не дожидаясь ответа, отправился с осмотром по периметру гуляй-городка.

– Ещё одна такая придирка – и я решу, что командир меня недолюбливает, – пробурчал Рыжий, запихивая в дырку пучок уцелевшей травы.

– Он не может простить тебе разлитого масла, – пошутил Волошек.

Наёмники осмотрелись. Раны, полученные Дastiном и Андалом, не вызвали опасений, а убитым конвой потерял только монаха. Его схоронили тут же на вершине холма. Рыжий подобрал обломки оглобли и соорудил из них крест.

– Не добрался ты до Альмагарда, – произнёс он над могилой. – А мы теперь и не узнаем, зачем ты рвался туда. Ты обменял свою жизнь на жизнь командира, и тем самым выручил всех нас. И пусть твои грехи не перетянут добродетелей на божественном взвешивании...

Пока хоронили монаха, пока собирали уцелевшие от огня стрелы, пока расцепляли фургоны и запрягали в них лошадей, Дастин спустился с холма и отправился к тому месту, где накануне совещались вражеские командиры. Внимательно осмотрев трупы, он снял с бригадиров металлические значки, после чего вернулся обратно.

– Гуляйпольские, – заключил он, очистив медальоны от копоти.

– Любопытно, что делают они так далеко от родных мест? – заметила Ксюша. – На них непохоже.

– Да, странно, – кивнул командир.

– Надо бы убираться побыстрее, пока дружки их не подоспели, – пробурчал Хельмут. – С таким пожарищем никакого другого сигнала и не нужно. Вся степь считай уже в курсе.

– Пожалуй, – согласился Дастин и распорядился выступать.

***

Они неслись по равнине, стараясь уйти как можно дальше от выжженной плеши, а при удаче и вовсе покинуть степь. Дождь противился бегству. Драконы поджарили пейзаж, но одолеть вселенскую сырость им не по силам. Лошадям требовался отдых, да и наёмники больше бежали рядом с повозками, чем сидели на них, хотя такое послабление животные особо не замечали. Поэтому, когда конвой углубился, наконец, в спасительный лес, Дастин объявил привал.

Волошкеку едва хватило сил, чтобы залезть под фургон, укрываясь от морозящего дождика. Готовить ужин, кажется, никто не собирался, даже костра не развели. Дастин взялся чековать первую смену, а прочие сразу завалились спать. И лишь голос Андала нарушал тишину.

– Хитры твои штучки, колдун, – задыхаясь, говорил он. – Всё-то вы, чародеи, подлостью какой-то берёте, обманом. Всё бы вам глаза припорошить или яду подсыпать. Никогда открытого боя не принимаете. По мне – так ничего нет лучше честной стали.

– Честная сталь? – усмехнулся колдун. – Наслышался я этих баек. Такие как ты их и придумали, в корчмах сидючи. Воинская честь! Бусидо! Честная сталь! Нагородили символики. А поскреби чуть-чуть – обычные гангстеры, что, прикрываясь словоблудием, готовы вырезать деревни до последнего человека. Вот она – ваша честь. Честнее некуда...

– Заткни грызло! – вскричал Андал. – Я безоружных не трогаю.

– Оружный, безоружный... – Априкорн плюнул. – Если мужик схватил топор, он всё одно не соперник против опытного мечника. Так что твоя честная сталь такое же дерьмо, как и моё чародейство. А дерьмом, как и грехами, равняться глупо.

– Ах ты, ведьмин подкидыш, – вскипел Андал. – Сейчас проверим, на что...

– Смолкните оба, – рявкнул проходивший мимо Дастин. – Не то сторожить вместо меня поставлю. До утра самого.

«Странный народ, – засыпая, подумал Волошек. – Только что вместе рисковали шкурой, товарища потеряли, а колдун спас отряд от неминуемой гибели. И вот, не успев отдышаться, уже ругаются».

Глава пятая. Зачумлённые земли

Ночи хватило оркам, чтобы оправиться от поражения. Присланные Тургом драконы изрядно потрепали гуляйпольскую орду и дали возможность конвою покинуть открытое пространство. Однако от добычи орки не отступились. Из глубины степей подошли свежие силы, и Дастин среди ночи несколько раз слышал далёкие крики бригадиров, перебранки воинов, а с рассветом приметил и несколько лазутчиков. Он тут же поднял наёмников и, коротко обрисовав ситуацию, заявил, что завтрак отменяется.

Стараясь не шуметь, быстро снялись и двинулись дальше.

Конечно, такой лавины, которая накатила на них в степи, они больше не опасались. Но и мелкие отряды оставались немалой угрозой. Они рыскали по лесным тропкам, вычёсывая траву и заглядывая в каждую щель, в поисках малейшего намёка на пребывание конвоя. И стоило одному из них наткнуться на искомое, как мигом бы подтянулись и другие. Поджидая основные силы, они шли бы рядом, изредка покусывая поезд, то с боков, то с хвоста, пока, почуяв слабинку, не вцепились бы разом со всех сторон. И уже ни драконы, ни колдовство не смогли бы помочь наёмникам. Лес прятал беглецов до поры, но он же становился ловушкой, буде оркам удастся обложить конвой. Ему, лесу, всё едино кому помогать.

Лесные дороги ветвились, как олени рога. Бесчисленные развилки, в конце концов, сбили Дастина с толку. Он потерял ориентиры и какую-либо привязку к местности. Путеводный амулет даёт направление, но у дорог собственный нор.

На большом перекрёстке конвой встал. Орк, то ли ковыряя в зубах, то ли, наоборот, грызя коготь, принялся тоскливо изучать карту.

– Севернее лес глухой, – рассуждал он, советуясь с Ксюшей. – Но амулет туда указывает, значит, дорога короче. Да и от степи дальше. А южнее – населённые земли. Много по пути деревень, починков, хуторов...

– Южнее пойдём, – предложила наёмница. – Орки в сёлах увязнут. Кто пограбить задержится, полютовать; от кого, при удаче, мужики отобьются, не пропустят. Пусть себе дробится орда, пусть силы расточает. А мы, глядишь, оторвёмся.

– Тоже так думаю, – кивнул орк.

И отряд повернул на юг. Хорошо ли наводить на мирных селян степняков, никто из наёмников даже не подумал. У них своя задача, её и надо решать.

***

Проходя через сёла, мужиков, тем не менее, поднимали. И обычай требовал про опасность не промолчать, да и погоню задержать вооружённое ополчение могло куда вернее.

На переговоры с селянами Дастин отрядил Рыжего. Как самого языкастого и способного убедить даже камень.

– Давай только без многословия, – напутствовал орк. – Чтобы нам и скорость сбрасывать не пришлось.

Жирмята с поручением справился вполне. Он пересел на место монаха и при въезде в село наметанным глазом выбирал мужика побойчее и потолковее. Пока фургоны грохотали мимо, Рыжий, в двух словах, объяснял текущий момент и сверх того нагружал мужика советами с краткий курс молодого бойца. После чего успевал запрыгнуть к Волошеку, чтобы по пути вновь перебраться в головную повозку.

Конвой ещё месил уличную грязь, а село уже поднималось: сновали мальчишки с поручениями; ржали непривычные к суете клячи; хрустели отдираемые от изгородей жердины...

Погоня подошла так близко, что однажды друзья стали свидетелями схватки. Деревенька представляла собой единственную длинную и прямую улицу. Поезд едва добрался до середины, когда на околице появился передовой отряд степняков.

Вожак углядел хвост конвоя и издал радостный вопль. Орки с великим рёвом припустили вдогонку. Сопротивления со стороны мужиков они не ожидали, полагая, что те не полезут в чужую драку.

Жирмята уже потянулись к арбалету, но вмешательства не потребовалось. Селяне ударили с двух сторон и, прежде чем друзья потеряли деревеньку из виду, больше половины ватаги было изрублено мужиками.

За оружие брались, конечно, только крупные сёла. С хуторов и селений помельче народ без разговоров снимался и уходил в лес, в тайные схроны. Однако мало-помалу тактика оправдывала себя. Конвой всё дальше и дальше отрывался от погони, и к середине дня до него перестали доноситься воинственные крики степняков.

***

От одной беды ускользнули, а уже замаячила перед ними другая. Сперва наёмники стали примечать вдоль дороги сигнальные вешки, а затем, с очередного холма, увидели над крышами домов и чёрные флаги.

Чума.

«Что заставляет харкающего кровью человека, собирая в кулак волю и остатки сил, лезть на крышу и вывешивать знак опасности? – думал Волошек. – Что заставляет предупреждать незнакомых путников, в то время как собственная семья и соседи уже снесены на погост, а то и вовсе лежат по домам и чернеют? Что, как не любовь к людям? Не к каким-то конкретным родичам или знакомым. К людям вообще. А ведь находятся циники вроде Андала, которые не верят в абстрактный гуманизм».

Конвой встал.

Посасывая жиденький ус, Дастин размышлял. Брать ещё южнее – значит на самую кромку степи выйти. Там орда достанет, как пить дать. Возвращаться – значит прорываться с боем через кишасшие орками леса, цепляя на себя их мелкие отряды, словно репейник. Вообще-то, учитывая неожиданность, есть шанс сбить врага и уйти. И Дастин, оказись он без груза, наверняка выбрал бы этот маневр. Но теперь сильно сомневался, удастся ли прорваться на тяжёлых фургонах.

И всё больше склонялся орк к самому безумному варианту – пойти через моровые земли напролом. Очень уж соблазнительно было разом отсечь погоню, да ко всему и крюк громадный скостить.

В одиночку он принимать решение не захотел. Вызвал на совет Ксюшу, Априкорна и Волошека. Почему именно их, орк не пояснил. Он вообще не любил объяснений.

Сперва у колдуна спросил:

– Как думаешь, сможем пройти, не подхватим заразу?

– Сможем, – ответил тот. – Если сёла будем стороной обходить. А коли придётся заезжать, так проскакивать на полном ходу, да дышать через раз. Плохо только, что не знаем мы, как велика земля моровая. Бывает, что за день не проскочишь, а на ночь вставать опасно. Да и не много того дня нам осталось.

Априкорн помолчал, как бы взвешивая «за» и «против», потом подытожил:

– Пройдём, думаю.

Дастин перевёл взгляд на Ксюшу.

– А я так полагаю, что другого пути у нас всё одно нет, – заявила девушка. – Мор, ещё не известно, пристанет ли, ибо ему всё равно кого изводить, а вот орки – они точно за грузом охотятся.

Рисковая девушка, эта Ксюша, всё-то ей нипочём, – подумал Волошек. Сам же он сомневался в успехе, но чётко сформулировать свои опасения не смог, и потому так и остался в меньшинстве.

Сомневался он не напрасно. Не так страшна была собственно чёрная смерть, как нежить, что заводится обычно в угасших от морового поветрия сёлах. Много он слышал рассказов о путниках, неосторожно заночевавших в упыриных домах. И хотя большинство подобных историй имело счастливый конец (не то некому было бы их рассказывать), перспектива оказаться на месте незадачливых прохожих Волошека не привлекала.

Однако кабацкие страшилки к делу не пришьёшь. Под хмельное ещё и не такое рассказывают.

***

Остаток дня ехали без остановок. Чтобы не терять время, да не топтать лишний раз чумную землю, Дастин распорядился ужинать на ходу.

Наёмники по очереди гостили в хвосте конвоя, превратив повозку друзей в сущую забегаловку. То Рыжему, то Волошеку приходилось уступать место и топтать пешком. Но хуже всего, что каждый из гостей считал долгом поделиться теми самыми историями про чумных упырей, от которых уже мутило. Фольклор наёмников не отличался разнообразием.

Наконец, когда ту же песню затянул Сейтсман, Волошек не выдержал и понёс еду его напарнику.

Априкорн, одним глазом поглядывая на лошадей, читал книгу. Заметив Волошека, он заложил страницу веточкой, и сунул чтиво под сетку.

«Нежить» – прочитал Волошек на переплёте, забираясь на место Сейтсмана.

«Вот человек во всех отношениях серьёзный, – подумал он с одобрением. – Времени зря не теряет, образованием занимается, а не перетирает пустые байки. И то верно, впереди ночь, и случись на нежить нарваться, вся надежда только на колдуна. Монах-то сгинул».

– Полагаешь, встретим кого-то из них? – Волошек кивнул на книгу.

– Из них? – не понял Априкорн, принимая мясо и чёрствые лепёшки.

– Из нежити я имею в виду.

– А, вот ты о чём, – колдун улыбнулся. – Нет, ты ошибся. «Нэжить» на местном говоре означает насморк.

– Так это медицинский трактат, – разочарованно протянул Волошек. – А я думал – про упырей.

– Нет, не медицинский, – поправил Априкорн. – И не трактат вовсе. Роман. Есть такой сочинитель Станислав Лем. Его пера книга.

– Про рыцарей роман?

– Почему ты так решил?

– Он же поляк, этот Лем.

– Ну, – озадаченно согласился колдун.

– Все поляки про рыцарей пишут.

– Хм. Нет, это, пожалуй что фэнтези.

– Что?

– Ну, вроде сказок для взрослых, – подумав, ответил Априкорн. – Хотя, пожалуй, сказки – не то слово...

– Тогда Расскажи мне, чего поляк написал, – предложил Волошек.

– Ну, эту книгу я только начал. Но вообще Лема перечитал немало. Увлекательно пишет, талантливо...

– Так Расскажи, пока ешь, – повторил просьбу Волошек.

Априкорн наделал из лепёшек и мяса сэндвичей и понемногу, нежадно откусывая, начал рассказ:

– Ну, он предположил: а что если бы в нашем мире жили одни только люди? Ни эльфов, ни гномов, ни хоббинов, ни орков не появилось. Ни драконов, ни нежити. И если бы не завелась магия, как бы тогда всё устроилось?

– Спокойно было бы, но скучно, наверное, – решил Волошек. – И что же он надумал?

– Людям бы пришлось изобретать всякие штуковины взамен магии. Развивать механику, алхимию, прочие науки. Строить механизмы, вроде гномьих самоходов. И не только. Они строили бы самолёты, самоплавы и прочие чудные машины. Самопрялки, например, или самоткалки. И даже самозабиватели гвоздей. Всё что угодно. Они изобрели бы оружие. Сокрушительное оружие, не чета нынешним лукам и мечам. Они, куда основательнее, нежели гномы, перекопали бы землю в поисках металлов, масла и даже газа... И всё это использовали бы на корысть себе. А энергию, что питает магию, научились бы передавать по проволоке. И в каждом доме любая хозяйка могла бы ворожкой пользоваться.

– Ну, это уже перебор, – возразил Волошек. – Ворожба ведь не грамота. Одной только учёбой волшебником не станешь. Способности нужны природные. И потом ты же сам говорил, что, мол, магия не завелась бы...

– Верно. Не завелась бы. Но энергия-то никуда бы не делась. Изымать её из эфира не только ворожкой можно. А передавать по проволоке – это гениально. Я как прочёл, даже опыты ставил. Что ты думаешь? Работает!

– Надо же...

– А вычислители строить, по сравнению с которыми нынешние гномьи арифмометры просто заводные игрушки? А огнерод трубами по домам разводить? Захотел ты, к примеру, кофе сварить. Нет ничего проще. Запал поднёс – и как из глотки драконьей у тебя факел ручной полыхает. Хочешь – готовь, хочешь – грейся, и печей никаких не нужно, и дымоход сажей не забивается.

– И правда на сказки похоже.

– Да, но как он всё продумал, все мелочи расписал. Подумаешь, вполне могло бы и так быть. И заселили бы люди Новый свет вместо хоббинов, и не случилось бы Большой Войны...

Колдун вздохнул.

– Много пожрала война и народов, и средств. Опустошила землю. А главное – не до познания людям стало. Не до мечты. Потому такие книги и захватывают, где всё по-другому сложилось бы. Где и до звёзд люди бы добрались... И до звёзд...

Глава шестая. Деревня мертвецов

Днём ещё худо-бедно бодрился народ, но вместе с солнцем принялись угасать и разговоры. Не один Волошек жутких историй наслушался. Даже Андал притих.

С наступлением темноты Априкорн перебрался в головную фуру. Шли медленно. Размытое облаками пятно луны едва освещало дорогу, а лес и вовсе обернулся чёрной завесой. Колдун словно на иголках сидел. Часто поднимал белый лоскут, требуя молчания, и тогда даже лошади прекращали храпеть; иногда вскакивал, всматриваясь в темень; принюхивался, рукой водил, словно щупая пальцами ветерок...

Волошкеу стало боязно – если уж колдун психует, то дело плохо. И особенно жутко оттого, что они с Рыжим в хвосте ехали. За спиной никого – а ну как цапнет рука холодная, да зубы в шею полезут. С ордою орочьей сойтись сейчас за шалость казалось.

– Лишь бы на жильё до утра не наткнуться, – осторожно прошептал Априкорн.

Наткнулись. Сглазил колдун. С заката и двух часов не прошло, как замерцали прямо по ходу огни. Дорога вела к деревеньке, и свернуть с неё было некуда. Глухой лес вокруг.

– Что посоветуешь? – спросил Дастин у колдуна.

– Ехать нужно, – пожал тот плечами. – Опасно, знаю, но в лесу вставать ещё хуже. До рассвета слишком долго, всю нежить, точно комаров, с округи соберём.

– Не дремать! – передал по цепочке орк. – И приготовить оружие.

Как будто хоть один наёмник сейчас спал или сидел безоружным.

Не желая попусту рисковать людьми, Дастин от разведки отказался. Но к деревне приближались со всей осторожностью. Люди молчали, повозки, стараниями Априкорна, почти не скрипели, и если бы орк мог заставить лошадей ползти по-пластунски, то так бы и сделал. Поэтому на краю села конвой появился неожиданно, вынырнув из темноты ночным кошмаром.

Трое мужиков с факелами, что сторожили на улице, чуть дёру с перепугу не дали, однако, увидев бочки, немного успокоились. Один из них, косоглазый, даже осмелился заступить дорогу.

– Ходу нет, господа хорошие, – сказал он. – Всё село, окромя нашего конца, упыри захватили.

Ходу действительно не было. Дорога становилась улицей и вела через мост к центру села. Мост наглухо перекрывали сваленные кучей стволы деревьев. На многих сохранились сучья и ветки, которые переплелись, сцепились намертво, делая завал непреодолимым. Наёмники провозились бы до утра, растаскивая его.

Они осмотрелись.

Речка делила село на две неравные части. Там, где встал конвой, были скорее выселки, дальняя окраина. Водная преграда с единственным запертым мостом, похоже, и позволила людям удержать плацдарм. Волошек заметил, что вокруг не уцелело ни единого дерева. Ни осины, ни яблоньки, ни берёзы. Сплошь гладкие пеньки торчат. Хотя брёвна на мосту были большей частью сосновые.

– Заночуйте у нас, – предложил Косоглазый, пошушукавшись с мужиками. – Вон-от мой дом, с самого краю. Большой, места всем хватит. Переждёте до петухов, да и ладно. Днём-то легче будет пробиться. Днём они в могилы уползают.

Он подумал и добавил:

– Может, и мы с вами уйдём. Страшно уж больно.

Дастин кивнул и приказал поворачивать во двор Косоглазого.

– Только вот с едой у нас плохо, – развёл тот руками. – На такую-то ораву не запаслись...

– Ничего, – ответил Дастин. – Припасов хватит.

Оставив в охранении черниговских братьев, наёмники прошли в просторное, хотя и убогое жилище. Внутри было темно. Куда темнее, чем во дворе. Одинокая лучина тужилась одолеть мрак. Тщетно. Не помогли и две добавочные лучины, зажжённые по случаю прихода гостей. Что до окон, то они не многим отличались от щелей и луну не впускали.

Кто тащил оружие, кто одеяла, Волошику достался мешок с провизией. Войдя последним, он увидел, что народ уже расселся по лавкам, и вставать к печи никто не рвался. Косоглазый с двумя приятелями тоже не спешил, хотя все трое выглядели голодными. Это понятно, – решил Волошек, – продукты не их, значит, и угощают не они. Безуспешно поискав глазами хозяйку, он взялся за готовку сам. Последний раз горячее они ели ещё до степной схватки. С тех пор всё время уходили от погони, так что не до костров было.

Пламя долго не разгоралось – печь не топили уже с неделю. Волошек изрядно подпустил чаду, прежде чем дело наладилось. А тем временем, наёмники, прикончив, что не доели дорогой, созрели до разговоров.

– Расскажи, уважаемый, как всё случилось, – попросил Априкорн хозяина.

– Как случилось? – неторопливо начал Косоглазый. – Известно, как оно случается. Мор сперва навалился. Пришёл путник с полуденной стороны, оттуда, откуда и вы, значит. Принёс на себе чёрную. Про заразу-то мы не сразу смекнули. Шатало его сильно, но отговорился, мол, устал в пути. На ночлег попросился. А утром уже и закоченел. В доме Скопы он остановился. Тот дом и вымер первым. Пока спохватились, пока поняли, в чём беда, уже и поздно стало. Что пожар верховой мор по дворам пронёсся.

Вода закипела. Волошек посчитал едоков, прибавил черниговских братьев и отмерил пшена. Засыпал, посолил, но ни слова из рассказа хозяина не упускал.

– А на третью ночь нежить из домовин полезла, – продолжал тот. – Мы ж как, мы без обрядов хоронили. Спешили, да и заразы боялись. А кого и вовсе присыпать забыли. Вот и не замедлило наказание. Первыми как раз тот прохожий да семья Скопы пожаловали. Лютовали не сильно – мальчонку порвали, на том и успокоились. А уж потом, когда другие подтянулись, тут и конец деревне пришёл. Одни мы уцелели.

– А семьи ваши где?

Мужик вздохнул.

– Семьи на погосте остались.

Все замолчали. Некоторое время слышался только треск углей в печи.

– Да что же мы так-то сидим, – сказал вдруг Косоглазый. – Гуза, достань из погреба бутыль. Там большая справа стоит. Давай её сюда.

Щуплый мужичок, к которому обратился хозяин, хотел было возразить, но передумал. Вышел, кряхтя, и скоро во дворе скрипнули ржавые петли. Он обернулся за пару минут. Разглядев за пыльным стеклом пять литров мутной жидкости, наёмники одобрительно загудели.

– Вот кстати, – заметил Сейтсман, поблёскивая глазами. В этот миг любой мог распознать в нём завязного алкоголика.

В доме посуды на всех не нашлось. Полезли за собственными кружками. Под бульки разливаемого самогона, разговор возобновился.

– Мы бы ушли отсюда, да не знаем, куда идти, – посетовал Косоглазый. – Слышали, мор далеко пошёл. За день не выберешься. А ночевать где попало – почти верная гибель.

– Это правда, – согласился Априкорн и спросил: – А тот прохожий, ну, что мор занёс, он ничего не говорил, откуда пошла зараза, из какого города?

– Да куда ему беседы вести. На ногах не держался. В первый же дом ввалился кулём и сразу уснул. Вечным сном, как говорится.

– Жаль. Знать бы, откуда напасть свалилась, так легче было бы и путь верный найти. У мора свои законы имеются.

Колдун к самогону не притронулся. Сослался на ненадёжное брюхо. Дастин и Ксюша, сделав по глотку, тоже отставили кружки.

– Нам братьев ещё менять, – пояснил орк.

Ну а Волошек решил сперва с ужином закончить. Собственно, печь справлялась и сама, но, ожидая, пока подойдёт каша, ему вздумалось прибрать просыпавшуюся шелуху. Не любил он, когда под ногами хрустит.

В поисках веника заглянул за печь. Что-либо разглядеть в такой тьме было невозможно. Волошек пошарил наудачу рукой. Пальцы коснулись чего-то гладкого и твёрдого, похожего на городошную битую рукоять меча. Он потянул. В нос ударило гнилью. Глаза уже освоились и различили в сумраке белую, начисто обглоданную кость. Волосы шевельнулись. Вдоль хребта потянул ледяной сквознячок. Кость была человеческой.

Пальцы сами собой разжались и принялись тереться о штаны. У Волошека хватило ума не вскрикнуть. Он глубоко вдохнул-выдохнул, вернулся на место и встал к народу спиной, чтобы по перекошенному лицу никто ничего не заподозрил. Будто бы продолжая возиться с варевом, Волошек лихорадочно прикидывал, как и чем воевать с нежитью. Не доводилось ему так вот, в упыриные деревни ночью попадать. Не знал, что их берёт. Помнил разговоры, что, мол, железо против них не годится. Нужно серебро или осина. Так вот почему пеньки вокруг. Порубили упыри проклятое дерево, заодно со всем прочим, а может люди, когда ещё надеялись одолеть напасть.

«Сбегать, что ли, в лес за осиною? Нет уж, увольте... Первым делом, колдуна предупредить надо, – решил, наконец, Волошек. – Только вот как?»

Он посмотрел на Априкорна, нарочно сделав пошире глаза, а тот вдруг едва заметно кивнул в ответ...

«Знает уже!» – обрадовался Волошек. От сердца сразу отлегло. На силу колдуна он только и надеялся.

Между тем беседа как-то незаметно переключилась на дела не столь жуткие. С упырей перескочили на нежить вообще, с нежити – на клады, что дожидаются смельчаков в курганах, с кладов – на деньги... Ну а на деньгах задержались надолго. Тема широкая, почти неисчерпаемая.

Сейтсман с Жирмятой заметно опьянели и теперь спор с «мужиками» вели главным образом они. Да ещё Андал, которого самогон не брал напрочь, вставлял иногда слово-другое. Все остальные притихли. Эльф, загодя устроившись в углу, дремал. Его кружку уже много раз пропускать при раздаче. Хельмут скоро убрал и свою, видимо, чувствуя в выпивке меру. Априкорн лениво шептался с Дастинем, а тот в свою очередь с Ксюшей.

Если бы не упыри, Волошек решил бы, что народ вот-вот завалится на боковую и ужина дожидаться не станет.

Каша как раз принялась пыхтеть, и он достал нож, чтобы открыть консервы. Открывал долго – с ножом в руке чувствовал себя гораздо увереннее.

Всё произошло молниеносно. В ладони Априкорна вдруг возник изящный стилет. Такими наёмники не орудуют, такими, при случае, режут королей да императоров. Колдун без предисловий проткнул грудь недавнего собеседника и отпихнул тело ногой. Ксюша тут же снесла голову щуплому, а вот Дастину повезло меньше. Его соперник, широкоплечий детина, успел нырнуть под клинок и раскрыл пасть, подбираясь к горлу. Зубки пошли в рост, точно налоги в эпоху войн. Волошек от печи метнул нож и схватился за меч, но тот уже не потребовался – Андал и Хельмут добавили свои кинжалы, пригвоздив мертвеца к полу. Здоровенный упырь затих не сразу, некоторое время беззвучно корчился, выгибая спину.

Эмельт, приоткрыв глаз, молча кивнул. Остальные же (то есть Сейтсман с Жирмятой) ошарашено смотрели на бойню. До их вымоченных в спирте мозгов ещё не дошла суть происшедшего. Миг или около того тишина балансировала на канате страстей.

Но гаркнул таки последний упырь перед тем как издохнуть. На всю их чёртову деревню гаркнул. Отозвались тотчас отовсюду сородичи замогильные. Взыли разом, аж стены дрогнули.

– Уходить надо! – заметался пьяный, но прозревший Сейтсман. – Пожрут ублюдки.

– Не дёргайся, – осадил Дастин. – В лесу вернее пожрут.

Какофония продолжалась недолго и, через некоторое время, преобразилась в полифонию. Упырями явно руководили.

– Что делать будем? – спросила Ксюша. – На мосту встретим?

– В доме запрямся, – решил Дастин. – До утра продержимся, за стенами-то, а бочки пусть себе во дворе стоят. Груз мертвякам без надобности. Им плоть нужна.

– А лошади? – нахмурился Эмельт.

– Чай не орки они, конину-то жрать, – ухмыльнулся Андал, подмигнув командиру.

Однако твёрдой уверенности в том, что голодные упыри пренебрегут тяжеловозами, ни у кого не было. Даже Априкорн плечами пожал, мол, не силен в познании повадок упыриных.

– Лошадей в дом! – приказал орк.

Распрягли мигом, словно на состязании коровьих пастухов, что проходят на празднике урожая. Одну за другой лошадок завели в дом. Низковат для них потолок оказался, то и дело головами по нему чиркали. Но ничего не поделаешь – в упыриной утробе куда теснее.

Борис и Глеб только теперь узнали, что произошло, пока они караулили. Оба перекрестились синхронно, Богородицу Пречистую вспомнили и шмыгнули за остальными.

Заложили, чем попало окна, двери заперли, подпёрли для верности тяжёлыми окованными сундуками. Затаились.

– Ты-то как догадался? – вполголоса спросил Волошек у колдуна. – Кость от вас не видна была.

– Кость? – улыбнулся Априкорн. – Нет, костей я не видел. Проговорился упырь. Никто не обратил внимания, а я не пропустил. Он сказал, что в первый же дом тот путник напросился. А до этого говорил, мол, с той же стороны пришёл, что и мы. А который тут дом крайний?

Волошек кивнул.

– Да я и раньше заподозрил неладное, как только вошли. Дух в доме больно уж нежилой. Ты когда печь разжигал, небось заметил, что выстужена она. Много дней огнём не пользовались. А в такую погоду странно совсем не топить.

– Да, действительно, – согласился Волошек. – Я-то думал: не до еды им, когда такое на деревне замутилось.

– Ну и прочие мелочи. Скажем, взгляд...

Колдун договорить не успел.

Звякнув об пол, из тела Косоглазого сам собой вывалился стилет. Мертвец шевельнулся и открыл глаза. Лошади забеспокоились, Волошек замер, а стоящие рядом Хельмут с Сейтсманом попятились. Априкорн же ничуть не испугался, даже с лавки не встал. Вытащил из трещины наполовину сгоревшую лучину и воткнул в ножевую рану. Упырь дёрнулся и затих.

– Осина? – кивнул на лучину Сейтсман, смахивая рукавом испарину.

– А? – колдун подобрал оружие и, не вытирая, спрятал под плащ. – Не знаю. Скорее всего, берёза.

– Да ну? А вот, смотри-ка, помогла.

Априкорн отмахнулся.

– Про осину это всё сказки. Любого дерева нежить боится. Потому как главный её враг тот, кто из земли сок забирает. Трава тоже годится, корешки всякие, но знать надо, как приготовить.

– А серебро? – спросил Сейтсман.

– Про серебро ничего сказать не могу. Сам не пробовал, а говорят разное. Но и оно, полагаю, годится не всякое.

Опасаясь, как бы и другие мертвецы не ожили по второму разу, а тем паче, когда подоспеют их сородичи из деревни, Дастин распорядился обеспечить тылы. Воткнули по лучине в каждого. Щуплый не шелохнулся: верно, без головы и упырю не жизнь. А вот верзила, что принял два кинжала и нож Волошека, еле заметно вздрогнул.

– Надо бы сжечь их потом, – сказал Априкорн. – А пепел по речке пустить.

Дастин кивнул.

Между тем, упыриное многоголосие приблизилось к мосту. Толпа упёрлась в завал и остановилась. Однако заминка вышла недолгой. Один из вожаков выкрикнул приказ, и деревья полетели в речку. То, что наёмникам казалось серьёзным препятствием, упыри раскидали играючи. Силы явно были неравны.

– Лось! – послышался от моста твёрдый голос. – Ты со своими вдоль реки пройдишь, огороды проверь. Тебе, Скор, околица. Ну а я в ближних домах поищу. В случае чего – вопите во всю глотку. Сбежимся на крик.

Наёмники сжали рукояти клинков. Замерли кто где. И только Ксюша кошкой прохаживалась по дому, с любопытством осматривая трупы.

– Ты что, совсем не боишься? – удивился Волошек.

– А чего мертвецов опасаться? – хмыкнула девушка. – Небось, приставать не будут.

Храбрость её была показной лишь самую чуточку.

Не прошло и пяти минут, как поисковая группа наткнулась на брошенные повозки.

– Бочки! – громко воскликнул один из них, созывая остальных.

Внушительная толпа с шумом ввалилась во двор Косоглазого.

– Точно, бочки! Верно, упыри наши караван какой подловили. Возничих да обозников поди уже обглодали, а товар им не показался.

– Смотри-ка, даже лошадей с голодухи умяли. Ни косточки не оставили. Ну чисто орки.

– А что в бочках-то? Может, масло?

– Лось, ты в клеймах разбираешься, глянь сюда. Замазаны они, но разобрать можно.

– Пиво, – ответил грубый голос. – Из Киева вроде как.

– Пиво?! Вот удача-то прикатила.

– Погодь, Скор, давай сперва нежить прикончим...

Априкорн, наблюдая за происходящим через щёлку двери, с каждым услышанным словом всё больше дёргался, всхлипывал, и, наконец, свалился на пол, разразившись безудержным хохотом.

– Нервы, – невозмутимо заметил Дастин, переступая через колдуна и отодвигая сундук.

***

Мужики изрядно удивились, застав вместо упырей живых и здоровых конвоиров. И расстроились малость, что без трофеев остались. Заговорили почти одновременно:

– Промахнулись вы с постоем, – весело сообщил Скор. – В аккурат на упырей и нарвались.

– Прошлой ночью мы одного изловили. Перебрался как-то, подлец, на нашу сторону, залез к Лосю в дом. Осиной его успокоили. Тогда же и решили в эту ночь облаву устроить. Весь день колья острили. Сперва хотели под утро выступить: говорят, тогда сила у нежити на исходе. Но тут слышим, шум с выселок, вот и поспешили. А вы, стало быть, и сами управились.

Селяне веселились от души, хлопали наёмников по спинам, всячески выказывая расположение.

– Пивком не угостите, во избавление? – спросил один из местных.

– Исключено, – отрезал Дастин. – Вон в доме полбутыли самогона осталось. Хотите, так празднуйте.

– Э, нет, – засмеялся Скор. – Их отраву и пробовать не буду. Они первача специально наварили, путников вроде вас спаивать. Силушкой-то наши упыри не вышли, вот и приноровились хитростью снедь добывать.

Глава седьмая. Хмарная Сторона

До утра совсем ничего осталось. Так и не удалось поспать толком. А с рассветом Дастин подорвался немедленно двигать дальше. Осмелевшие мужики вызывали у него тревогу, ничуть не меньшую, чем упыри. Селяне поглядывали на бочки с нарастающим искушением, а бесята в их глазах словно сговаривались на лихое дело. Поэтому, Дастин ещё ночью принял меры, вернув лошадей в упряжь, а как развиднелось, погнал наёмников на повозки. Похмельное ворчание Сейтсмана и Жирмяты его только раззадоривало.

Из моровых земель выбрались к полудню. Конечно, никаких указателей, вроде «Чума окончена, всем спасибо», они не встретили. Просто прыгнули с одного островка дивной карты Дастина на другой. Мор же магию игнорировал и выбирал иные пути.

Волошек научился распознавать «скоки», как он их называл, по изменению погоды. Она везде была мерзкой, но мерзкой везде по-своему. В этот раз ветер сменился на северный, лениво закапал дождь. Тяжёлые разогнавшиеся его плевки изредка били по неприкрытой коже.

По уму, им следовало бы поискать укрытие, но Дастин даже до леса ближайшего не дошёл, остановил конвой на равнинке.

Тут у всех отходняк наступил. Кого в сон потянуло, кого на еду, кого на выпивку. Орк позволил брать, кому что хочется, и народ скучковался возле последней повозки.

– Эх, пивка сейчас в самый раз, – развёл могучие плечи Сейтсман и потянулся к корзине с бутылками. Выудив одну из них, он долго изучал ярлык, наслаждаясь предвкушением, и, наконец, взялся зубами за пробку.

– Положь на место! – рыкнул вдруг Жирмята.

Наёмники разом повернулись на голос.

– Ты кто такой? – возмутился Сейтсман. – На припасы поставили, так теперь рычать на всех будешь аки пёс?

Жирмята сморщил лоб, додумывая какую-то мысль, поднял арбалет и навёл на Сейтсмана.

– Положь! – повторил он.

Тот отставил бутылку и потянулся к мечу.

– Ты чего? – удивился Волошек, готовый как двинуть товарищу под руку, так и прикрыть его от клинка. – Для того и пиво, чтобы пить.

– Нет, не для того, – не сдавался Жирмята.

– Ну-ка погоди, – остановил свару Дастин и, повернувшись к Жирмяте, спросил: – Ты, парень, чего удумал?

После упыриного угощения голова у Рыжего соображала туго. Но мало-помалу мысль пробилась через туман похмелья.

– Есть! – воскликнул победно он.

– Говори, – теряя терпение, приказал орк.

– В контракте что сказано? Мы берёмся доставить пиво в целости и сохранности. Там не оговаривается особо пиво из бочек. Там написано «всё наличное пиво». Значит, что? – Жирмята обвёл наёмников хитрым взглядом. – Значит, тронете хоть одну бутылку, и наш гоно-рар хлопнет дверью.

– А ведь есть такое дело, – хмыкнул Андал и ударил себя по ляжке. – Ну Тург, лысый бес, ну хитёр! Заостри ему уши – и вылитый эльфийский выродок. А ты, Рыжий, малый не промах, даром что из низовских. Раскусил мироеда.

Дастин потёр переносицу, размышляя, и махнул рукой:

– Пиво не трогать.

– Так мы теперь без выпивки остались? – сообразил Сейтсман.

– Вон в кабаке придорожном пей что хочешь, – буркнул Дастин.

– В кабаке! Это за свой счёт, что ли?

– Не за мой же? – орк начинал злиться. Он до сих пор сомневался в правоте Жирмяты, а, следовательно, и в вероломстве хозяина, и потому готов был сорвать зло на любом, кто подвернётся под руку.

Сейтсман понял.

– Ну вы... – не договорив, он сплюнул и убрёл в сторону.

Остальные, потеряв интерес к разговору, улеглись кто где, но заснуть не смогли. Хмуро переглядывались и молчали.

Тяжёлые капли шлёпались вокруг, били по бочкам, лошадям и, сносимые ветром, изредка доставали людей под повозками. Холодный ветер пробивал плотную шерсть спальников. Выбор места привала воспринимался наёмниками как произвол командира.

Сам Дастин заметно волновался. Сторожевой амулет продолжал фонить, а это означало, что если он исправен, то конвой отнюдь не сбросил преследователей. Рискованный проход через чумные земли оказался не столь эффективен, как на то рассчитывал орк.

Он постучал пальцем по янтарному глазку, но слабое свечение не исчезло.

– Проклятье! – ругнулся Дастин и закутался в плед.

Общее настроение соперничало в мерзости с погодой.

Волошек украдкой наблюдал за Ксюшей. Невозмутимость девушки в самых серьёзных переделках его озадачивала. Но вместе с тем и привлекала. Ему нравились женщины самостоятельные и бойкие. Таких не встретишь среди прежнего его окружения. Там дамы всё больше слабость старались показать.

Сейчас, когда прочие ёжились от холода, она спала спокойно, не упуская ни минуты из отведённого на отдых времени. Ни отвратительная погода, ни ворчание товарищей не заставили её отказаться от сна.

Дастин, похоже, доверял девушке больше, чем остальным. Потеряв напарника, он позволял подменять себя только ей и Априкорну. С колдуном более или менее ясно – он дважды вытаскивал отряд из дерьма, но чем приглянулась орку девушка, Волошек понять не мог.

Спальник из шерсти безгорбого верблюда, ботинки из бизоньей кожи, иноземного покроя вещмешок – все эти радости походной жизни можно было купить только у торговцев из Нового Света. У чернокожих хоблинских приказчиков. Причём купить, заплатив порядочную сумму. А её куртка с нашитыми пластинками? Вроде бы на первый взгляд украшение, но одна прикрывает сердце, другая селезёнку, третья правое плечо. Так экипируются профессиональные наёмники, и вовсе не те, что подряжаются на сопровождение грузов. Дикie гуси, солдаты удачи, свергающие князей, королей и разгоняющие вечевые сходы; люди, бродящие по всему свету и презирающие всякую мораль.

Нет, не прав был Рыжий, когда заявил, будто Тург нанял сброд. Здесь кого ни возьми – та ещё штучка.

– Хоть бы лютню, что ли, достал, – обратился Андал к напарнику. – Тошно ветер слушать. Она, конечно, не многим веселее звучит, но всё же что-то не столь дикое.

– Я не играю на лютне, – буркнул в ответ Эмельт.

– Ерунда! – возразил Андал. – Все эльфы играют на лютне.

– Да? – усмехнулся эльф.

– Да. Каждому приличному эльфийскому мальчику обязательно приглашают учителя музыки. Это известно всем. Такова уж ваша натура.

Напарники вновь готовы были вцепиться друг другу в глотку, и только нежелание шевелиться удерживало их на месте.

Хельмут оторвался от слухача и бросил Жирмяте:

– Ваши москальские вести передают. Орк из кавказцев забрался в царские палаты и привёл в действие некое мощное заклинание. Беднягу разорвало в клочья. Вместе с ним погибли восемь воевод и думных бояр.

– Мы не москали, мы нижегородцы, – начал было спорить Рыжий, но, увидев полные ужаса глаза колдуна, осёкся.

– Что, Априкорн?

– Жуткое заклинание, – передёрнул колдун плечами.

– Ты его знаешь?

Тот кивнул.

***

Вовсе не шутки ради Дастин остановил конвой на продуваемой ветрами равнине. Лес, который виднелся впереди, оказался непростым. На карте обширные заросли значились как Хмарная Сторона, а рядом стояла пометка «Опасно!».

Дастин угрюмо молчал, отмахиваясь от вопросов: надолго ли встали, да когда выступать. Он явно чего-то выжидал, изредка поглядывая в сторону леса. Наёмники, и без того чувствовавшие себя неуютно, теперь и вовсе потеряли покой. Лучше бы им приказали готовиться к бою, всё же какая-никакая, но ясность, а так одни непонятки.

Ответ пришёл через несколько часов. Раздался свист поставленного в охранение Глеба, а его брат примчался с донесением:

– У нас гости.

– Это не гости, это хозяева, – проворчал Дастин, отбрасывая плед.

Ксюшу никто не будил, но она поднялась и, словно зная, что нужно делать, направилась к повозке с припасами. Бодро пошла, будто и не спала минуту назад.

Все остальные повысовывались из спальников и принялись разглядывать пришельцев. Их было трое. Все трое – мужчины. Выглядели они сущими дикарями. Вместо одежды – шкуры, кое-как скроенные и сшитые ремешками; на ногах – невысокая мохнатая обувь, похожая на домашние тапочки какого-нибудь ростовщика; головы неприкрыты, волосы и бороды спутаны, сбиты в войлок. Ростом дикари были чуть ниже любого из наёмников, но, в сущности, ничем не отличались от обычных людей.

– Не иначе посольство, – догадался Жирмята.

Так оно и было. Троица достигла конвоя и молча уселась в том месте, которое, вероятно, посчитала границей лагеря. Дастин вышел навстречу и присел рядом, а Ксюша поволокла туда же коробку со сгущённым молоком.

Орк заговорил первым. С трудом подбирая слова, часто спотыкаясь, он вылепил несколько фраз на незнакомом Волошеку наречии. Один из послов коротко ответил. Дастин развёл руками и повторил те же фразы, несколько переиначив слова.

Когда гости разом кивнули, орк достал из коробки банку, открыл и поставил перед посольством. Затем окунул в сгущёнку четыре тростинки, одну из которых тут же сунул в рот, а на три других указал приглашающим жестом.

Гости переглянулись. Ни испуга, ни сомнения, или хотя бы подозрения в их глазах даже не проскользнуло, однако сперва палочку облизал самый молодой из троих – тот, который говорил с Дастином. И лишь когда на его лице появилась довольная ухмылка, к тростинкам потянулись остальные.

Не раз и не два макались и облизывались палочки, прежде чем молодой, утерев рот, сказал что-то орку. Тот вытащил ещё четыре банки. Послы синхронно качнули головами. Молодой дважды растопырил обе ладони и произнёс сравнительно длинную фразу – слов из пяти.

Пошкрябав когтями щетину на лице, Дастин передвинул к ногам дикарей всю коробку. На сей раз, молодой кивнул и приложил ладонь ко лбу. Следом согласие подтвердили и старшие его соплеменники.

– Чёрт, он отдал им все наши запасы, – буркнул Рыжий.

– Лучше остаться без сладкого, чем без головы, – вполголоса заметил Волошек.

Погрузив коробку со сгущёнкой на самого молодого, дикари удалились.

Провожая их взглядом, Дастин скомандовал подъём, хотя наёмники и без того уже начали собираться – предмет переговоров был истолкован ими однозначно.

– Люди Тумана разрешили нам пройти через лес, – пояснил всё же орк.

– Они дадут нам проводника? – спросил Хельмут, забрасывая мешок на повозку.

– Нет. Просто разрешили пройти.

– Кто они? – спросил Волошек. – Никогда не слышал такого говора.

– Сколько помню, они всегда жили в этом лесу. А язык их я и сам не слишком хорошо понимаю. Речь из года в год меняется. Мне не довелось бывать здесь довольно долго, и вот они уже не поняли и половины из сказанного мной. Всему виною туман. Он каким-то образом воздействует на память. Старые слова быстро забываются, взамен изобретаются новые. Так и живут.

На оперативке наёмники узнали, что опасна Хмарная Сторона не разбойниками и не мертвецами, а самым обыкновенным по природе, но многочисленным и очень крупным зверьём. А ещё тем самым туманом, что никогда не покидает пределов леса. Вдыхать эту гадость Дастин категорически не рекомендовал.

– Помереть не помрёте, – заявил он. – Но как вас звать, да зачем явились сюда, мигом забудете. А с пустой головой много не навоюешь.

– А эти, что сгущёнку отныкали, не забудут, что за проезд уплачено уже? – спросил Андал. – Чего доброго, нападут по слабоумию.

– На них хмарь влияет не так сильно, как на пришлых. Привыкли. Думаю, с их стороны проблем не возникнет. Но вот зверушки местные нам ничем не обязаны.

– Опять ночь не спать, – вздохнул Жирмята.

– А за день этот лес и не проскочишь, – уверил Априкорн. – Если только верхом, да и то вряд ли. И потом, в тумане всё равно, что день, что ночь, больше на слух полагаться следует.

Тем не менее, к фургонам подвесили фонари, а Дастин достал один из своих бидончиков и выдал наёмникам по комку пахучей мази.

– Вотрёте в кожу, зверьё вас не учует. И про лошадей не забудьте. До лошадей они особенно жадные.

Кто «они», орк так толком и не объяснил. Видимо,

и сам знал немного. Сказал только, что твари неразумные, и им всё едино, что секретное пиво, что прошлогодний навоз. Они, мол, не на груз охотятся.

Двинулись потихоньку.

Хмарь скрывала от глаз деревья. Только самые верхушки торчали из густых молочных клубов. Ни ветер, ни дождь не причиняли туману никакого урона. Правда, на самую дорогу он не выползал, нависая с обеих сторон неровными лохматыми стенами. Поезд словно пробирался по горной тропе, укутанной облаками, где нелегко угадать, что скрывают клубы – пропасть или отвесную стену. Лишь иногда над дорогой возникали сосновые лапы и с шорохом гладили проползающие мимо бочки.

Волошек задумался об обитателях Хмарной Стороны. То есть, получается, у них нет ни закона, ни веры, ни даже традиций. В таком случае они не многим отличаются от зверей, следуя больше инстинкту, нежели опыту, который быстро стирается туманом. Однако не всё так просто. Некий стержень, некая основа у туземцев должны были сохраниться, иначе они перестали бы быть людьми. Вот ещё одна загадка Покрова пополнила список тайн. И вряд ли список этот до конца похода станет короче.

Природа тумана вызывала размышлений не меньше, чем его обитатели. Кто и с какой целью укрыл чарами огромный кусок леса? Скрывается ли в дебрях нечто вредоносное, злое, или же Хмарная Сторона только барьер на пути непрошенных гостей?

Волошек попытался выяснить это у Априкорна. Тот всё время беспокоился – не подцепил ли кто случаев заразы, пока пьянствовали с упырями, часто подсаживался то туда, то сюда, и осматривал наёмников. Однако никаких тревожных симптомов не находил.

Пока колдун занимался напарником, Волошек и задал вопрос.

– Нарочно его никто не ставил, – ответил Априкорн, проверяя у Рыжего пульс. – Думаю, это нечто вроде помойной ямы, куда собрались ошмётки магии, той, что создала Покров. А вот дорогу через Хмарную Сторону торили колдуны уже на моей памяти. Когда понадобился безопасный проход.

Безопасной дорога вовсе не выглядела. Жуткие огромные кошки шныряли туда-сюда, возникая и исчезая в тумане. Ни одна из них не заинтересовалась конвоем. Гулять под открытым небом тварям, похоже, не нравилось, и они предпочитали не задерживаться на дороге больше необходимого.

Пробивались из тумана и странные звуки. Нечто ритмичное, тихое, как шорох дворницкой метлы по утрам, а иногда резкое, как скрежет разрываемой жести. О природе звуков даже догадок не возникало, лишь спинной мозг отзывался волной панического ужаса.

Зато ночью звук пронёсся знакомый. Впрочем, от этого он не стал менее жутким. Точно такой же вой слышал Волошек в Голосеевском лесу, накануне отправки конвоя. И тогда, и теперь он не вызывал ничего кроме страха, и особенно сильно напугал черниговских братьев. Те крестились без перерыва, словно две мельницы в хороший ветер. Вслед за ними каждый призывал на помощь своих богов.

Вой то приближался, то отступал, и создавалось ощущение, будто кто-то или что-то следит за конвоем, не желая отпускать добычу, но и не решаясь пока напасть.

Всю ночь никто не сомкнул глаз, а, учитывая, что и предыдущие сутки наёмники провели без сна, к утру все здорово вымотались.

Результат не замедлил сказаться.

Очередная зверюга проскочила дорогу под копытами лошадей. Те шарахнулись в сторону, колесо наехало на камень и повозку изрядно трянуло. Ничего страшного не случилось – бочка устояла. Вот только сонный Сейтсман вывалился из фургона и нырком улетел в туман.

Раздался крик колдуна, конвой встал.

Наёмники сгруппировались возле места падения и соображали, как достать Сейтсмана из тумана. При падении тот, похоже, здорово приложился головой, потому что лежал как мёртвый. Его силуэт был виден тёмным пятном на молочном фоне, однако ближе к голове становился едва различимым.

– Крюком зацепим? – предложил Хельмут.

– Как бы не поранить, – остерёг Рыжий.

– Может, дыхание задержать, да вдвоём-втроём вытащить быстренько?

– А вдруг там зверьё поджидает? А его как приманку оставили.

– Спешить надо, пока в себя не пришёл, – проговорил Априкорн. – Не то очнётся и уберёт в лес. Не найдём.

Колдун чувствовал долю вины за потерю напарника.

С помощью запасной оглобли крюк подвели к штанам и со второй попытки подцепили за пояс. Осторожно, стараясь не повредить, выволокли тело на дорогу. Априкорн тут же склонился над неудачливым напарником.

– Живой, – сообщил он.

– Уф! – выдохнул Дастин.

У остальных тоже отлегло от сердца.

Минут пять колдун пытался привести Сейтсмана в чувство. В ход пошли пузырьки с настойками, пощёчины и даже кончик ножа.

Наконец тот пошевелился и сел, удивлённо оглядываясь вокруг.

– Эй! – щёлкнул пальцами Априкорн перед его глазами.

Никакого эффекта. На лице наёмника поселилась слащавая улыбка дебила, да так там и осталась, о чём бы ни спрашивали его товарищи, пытаясь растормошить сознание.

Наждак магии хорошенько поработал с извилинами. Сейтсман никого не узнавал, ничего не говорил, правда, и особой агрессии за ним не замечалось. Колдун попробовал большинство из своих лекарств, но тщетно. Отреагировал напарник только на спирт, что хотя и подтвердило гипотезу о врождённой природе алкоголизма, но никак не помогло делу.

– Выберемся из леса, займусь им, – пообещал Априкорн. – Здесь и трав-то нужных не сыщешь.

Вышел спор, считать ли Сейтсмана раненым или нет. Как воин он сейчас не стоил и гроша, но и в госпитализации не нуждался. Рыжий настаивал на контузии и с такой формулировкой отказывался грузить того в повозку с припасами. Забвение, дескать, лежанием не лечат.

Сейтсмана привязали к бочке, усадив на прежнее место. Он не сопротивлялся. Улыбался и вертел головой.

Только собрались отправиться дальше, как проблема возникла у Дастина. Сторожевой амулет, светивший с самого Киева, вдруг погас. Раньше орку не нравилось, что тот всё время фонит, а теперь он нервно теребил янтарный глазок когтем, опасаясь, что амулет окончательно сдох.

– В порядке, – заключил Априкорн после осмотра.

– Значит, не сунулись злодеи в туман-то! – довольно пробурчал орк.

– У них не оказалось с собой стущёнки, – заметил Рыжий.

Сейтсман улыбался до ушей.

Ещё день и две ночи пробирались они через лес. Страху натерпелись немало, но обошлось без серьёзных стычек. Одну из них, когда стая диких собак напала на головную повозку, Волошек умудрился проспять. Априкорн разобрался сам, отпугнув собак волшбой. А вот пятнистую кошку колдун разглядеть опоздал.

Тварь соскользнула с сосновой ветки и оказалась на бочке Ксюши и Хельмута. Наёмники притаились, выставив вверх мечи. Лезть на бочку они не решились. Выручил Эмельт, выпустив через головы товарищей несколько стрел.

Кошка рыкнула и свалилась на дорогу, прямо под копыта последней пары лошадей. Те дёрнулись в сторону, и чуть было не утащили повозку с дороги. Волошкеу с трудом удалось их удержать, а Жирмята, свесившись, подхватил кошку за хвост и забросил в повозку.

– Эмельту на воротник, – пояснил он.

Однако часом спустя, когда Рыжий протянул трофей эльфу, тот, забрав только стрелы, выбросил мёртвого зверя в туман.

– Не стоит ничего брать отсюда, – мрачно сказал он.

Рыжий насупился, но смолчал. Андал же не выдержал.

– Ну и зря, – заметил он. – Хоть бы хвост оставил. Пришил бы к шапке на хоблинский манер. Чем не наряд?

Эмельт его проигнорировал.

На третий день туманная земля закончилась. Повозки выбрались на открытую местность, и наёмники наслаждались панорамой.

– Ну, вот и всё, – вздохнул Дастин. – Считай, главные опасности мы миновали. Дальше легче будет.

Глава восьмая. Остановка в пути

Прошла неделя, как они покинули Киев. «Половина пути, половина работы, – лениво размышлял Волошек, – хоть позади, хоть впереди. Впрочем, что было – известно, а вот что предстоит – о том лучше не загадывать».

Небо в этот день улыбнулось наёмникам. Блаженной улыбкой Сейтсмана. Тучи откочевали за горизонт, предоставив солнцу свободу. Сырость за час-другой изошла паром. Стало тепло. Лес наполнился гулом насекомых, спешащих облететь раскрывшиеся цветы. Умиротворённое настроение передалось всем, и Дастин, выбрав большую поляну, поставил конвой на длительный отдых.

Лошадей пустили на вольный выпас. Сейтсмана развязали и уложили на кусок брезента. Он по-прежнему улыбался. Зато все стоящие рядом морщили носы. Вонял наёмник теперь почище Хельмута. Двое суток товарищи опасались отпускать контуженого по нужде.

– Постарайся до вечера привести его в чувство, – сказал колдуну Дастин. – Обуза нам ни к чему.

Тот кивнул и принялся рыться в мешке. На свет появились разноцветные камушки, сушёные хвосты, ободранные перья, пузырьки с настойками, баночки с мазями и прочие атрибуты ведовства.

– Кое-какие травы надо будет поискать здесь... – вслух подумал колдун.

Помощи ему не потребовалось. Наёмники разбрелись по поляне. Одни занялись починкой одежды, другие решили отоспаться, кто-то, скинув плащ да сапоги, улёгся просто так – полежать на земле, не ощущая спиной дороги. Андал, тот и безрукавку снял, подставив солнечным лучам волосатое тело.

Великое дело днёвка.

Всеобщее безделье, кроме колдуна, не затронуло лишь братьев, которые вызвались приготовить какую-то особенную, фирменную похлёбку.

Волошек разулся и, наслаждаясь прохладой травы, прогуливался по поляне безо всякой цели. Блаженство продлилось недолго. Сперва начали чесаться щиколотки, потом колени, а скоро зуд охватил и всё тело. Ему пришла в голову мысль искупаться. Ручей – вот он, рядом, нужно только отыскать место, где ила поменьше. Он пошёл вверх по течению и углубился в лес.

Топкий берег скоро сменился песком. Ручей стал мельче, но шире, и как будто бы чище. Изменилось и всё вокруг. Стало светлее. Подлесок сошёл на нет, оставив подпирать небо редкие старые сосны. Высокая трава уступила место мягкому серебристому мху.

Пейзаж напомнил Волошеку родные края. Бор, где в детстве играл он с друзьями в рыцарей и разбойников, где любил гулять, мечтая о приключениях и битвах. Он сполна нахлебался и того и другого. Целый год только и делал, что куда-то пробирался, чего-то добывал, сражался, голодал... Лишь теперь, получив передышку, он осознал, как надоели ему все эти приключения, как манит спокойствие дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.